Владислав КЛЕВАКИН

ВРЕМЯ ПЕТРА

Новый исторический роман

Владислав Клевакин

Время Петра

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Клевакин В.

Время Петра / В. Клевакин — «Издательство АСТ», 2023 — (Новый исторический роман)

ISBN 978-5-17-156159-8

Дремучая, праведная Русь и новая, просвещенная Россия. Кто победит? Чья возьмет? Чье время пришло, а чье ушло? Предательство и трусость. Покаяние и мятеж. Петр и Софья.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156159-8

© Клевакин В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 30
Глава 6 38
Глава 7 42
Глава 8 45
Глава 9 50
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Владислав Клевакин
Время Петра

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

© Владислав Клевакин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1
Регентша

На Москве раздался глухой тревожный набат колоколов Успенского собора. Толпа, сгрудившаяся у красных кирпичных стен Кремлевских башен, сиротливо охала и крестилась.

– Царь умер! – пронес над ней ветер обрывки слов патриарха Иокима.

Меж ног толпы просунулась плешивая голова юродивого, не то со стоном, не то с яростным криком:

– Царь православный умер, а царевич Петр с еретиками латинскими дружбу водит. Латинские обычаи привечает. Антихрист он.

Стрелец, едва сдерживающий толпу, покосился на юродивого и загнутым носком кожаного сапога ударил его по изможденному, грязному лицу:

– Ты чего несешь, сучий сын. Царскую особу хаишь?

Юродивый завопил от боли и уткнулся головой в талый, с черными проплешинами апрельский снег. Из его головы, с небрежно торчащими клочьями волос, в грязную жижу тянулись тонкие струйки алой крови. Бабы тотчас протянули к служивому руки, стремясь ухватить его за уши, щеки и губы, словно лебеди-шипуны.

– Ты пошто святого человека изобидел, ирод? – злобно заорали мужики, обступившие стрельца.

– Креста на тебе нет, злодей! – понеслось со всех сторон из толпы.

Стрелец испуганно шарахнулся. Толпа наступала на него, стремясь ухватить руками, сгрести и, кинув себе под ноги, затоптать, как полудохлую амбарную мышь.

– Ну, назад все, псы! – к стрельцу тотчас на помощь подскочили еще несколько служивых. – Над царевичем потешаться посмели, смерды?

Стрельцы принялись оттеснять разномастную толпу к покатым избам Посадской Ямской слободы.

– Дави их, братцы, – разносилось тревожным криком средь стрелецкого строя.

Стрельцы выдавливали посадских людишек с площади своей широкой грудью и черенками бердышей. Из Спасской башни по мосту к Лобному месту спустился дородный боярин в соболиной шубе и бобровой шапке.

Развернув широкую грамоту, он обвел кривым взглядом площадь и прочел первую строку:

– «Государь наш, Федор Алексеич, почил волею Господа и нарек наследниками царства своего царевича Петра Лексеича, от матери его Натальи Нарышкиной, и царевича Ивана Лексеича, от матери его царевны Марии Милославской. На то будет воля царская и сие завещание».

Народ сиротливо охнул и замолчал.

Боярин сплюнул на снег кровавый сгусток и продолжил:

– А кто сие завещание не примет, тот волею Государей Московских будет обезглавлен. Соправителем же сих государей державы нашей, ввиду их малых лет, Господь дал в соизволение царевну нашу Софью Алексеевну Милославскую, то бишь сестру их. На том целуйте крест и идите с Богом!

Но взбудораженная толпа посадских людей уже не желала расходиться. В сторону строя стрельцов полетели проклятья и комья смерзшейся земли.

– Ироды! – вновь голосили бабы.

– Каина дети, – вторили им мужики в изношенных зипунах.

Народное волнение распалялось все больше и больше, и уже никто не обращал внимания на затихшее, окровавленное тело юродивого, лежащее на почерневшем от копоти снегу.

У одноглазого мужичка с жидкой бородкой в заиндевевших от холода руках блеснуло каленое лезвие ножа. Он прильнул к рыжей толстой бабе в разноцветном платке и тут же отпрянул от нее, пытаясь скрыться в толпе.

– Убили. Убили, царица небесная, – заверещали бабы в толпе.

Одноглазого мужичка тут же поймали за рукав изодранного кафтана и, кинув на снег, принялись зверски топтать ногами. Стрельцы бросились к месту драки, пытаясь прорезать толпу и вытащить убийцу на площадь.

Дородный боярин развернулся к стрелецкому старшине и мерзко хмыкнул:

– Утихомирь тут всех. Я во дворец пойду, царево завещание исполнять. Вся Дума, почитай, в сборе, а я тут на мужицкие склоки смотрю.

Старшина кивнул:

– Будет сделано, боярин!

Он махнул кому-то рукой, и из ворот вышел еще один стрелецкий полк. Стрельцы в зеленых кафтанах с пищалями наперевес сделали первый шаг в сторону беснующейся толпы.

– С плеча снять! – зычно выкрикнул стрелецкий старшина. – Без команды с патроном заряжай!

Стрельцы вскинули ружья и высыпали в замок порох.

– Первый выстрел в воздух! – скомандовал длинноусый старшина.

– Первый выстрел в воздух, – эхом пронеслось по строю.

Толпа испуганно шарахнулась назад.

– Пли. Пли.

Глухой раскат выстрела десятков пищалей словно весенняя гроза пронесся над Лобным местом, сорвав с колокольни Ивана Великого десятки ворон и галок. Выстрел был настолько силен, что заставил испуганно вздрогнуть родовитых бояр в Думской палате, а придворный писарь невольно опрокинул чернильницу на лист царского указа в Посольском приказе. Толпа бросилась наутек, оставив в тающей весенней жиже юродивого и окровавленное тело одноглазого мужичка, что еще недавно так ловко орудовал в толпе острым ножом, срезая у посадского люда кошельки с пояса. Толпа быстро рассеялась.

Казацкий старшина довольно крякнул:

– Так-то лучше, а то гляди, чего чернь удумала, бунт учинять. Сенька?! – звонко выкрикнул он.

Перед старшиной тотчас возник один из стрельцов. На вид ему было примерно лет двадцать. Рыжий волнистый клок волос пробивался сквозь стрелецкую шапку, небрежно натянутую на голову.

Вытянувшись по стойке смирно насколько ему позволял его маленький рост, рыжий стрелец бодро выпалил:

– Слушаю, господин урядник.

Старшина покачал головой и плюнул на подтаявший апрельский снег.

– Убери этих двоих, – он указал на тела, лежащие на площади, и, отвернувшись, добавил: – И кровушку тут поскребите.

Повернувшись в сторону Ивана Великого, стрелецкий старшина истово перекрестился. Крики галок и ворон стихли, и на стены Кремля опустилась пелена холодного безмолвия.

– Ох, чует мое сердце, Сеня, немало еще здесь люду православного поляжет, – с досадой заметил старшина рядовому.

– На все Божья воля! – равнодушно заметил молодой стрелец. Он так же равнодушно пнул ногой тело мертвого юродивого и уставился куда-то вдаль.

– Ну, ты иди уже исполняй, – старшина ласково хлопнул стрельца по плечу. – А как выполнишь, доложи. Я пока в казармы наведаюсь.

Старшина развернулся и широким шагом зашагал в сторону ворот Кремля.

Толпа тем временем рассыпалась по узким улочкам многочисленных слободок Москвы. Стеленные кривыми деревянными досками тротуары, меж рядов посадских изб и каменных палатей бояр, не выдерживали такого количества бегущего народа, и люди падали в непролазную весеннюю грязь улиц.

В Думской палате было тихо. Бояре в высоких шапках и пестрых кафтанах с меховыми воротниками испуганно переглядывались между собой.

– Ну, чего же ждать нам теперь? – скривился боярин Василий Голицын.

– Так сейчас царевна Софья нам все и поведает, – усмехнулся думный дьяк Шакловитый. – Али ты куда спешишь, батюшка?

Голицын тяжело вздохнул:

– Куды мне теперь спешить-то, Федор Леонтич?

– Ну, так и потерпи немного, чай не пахоту сеять.

Голицын скосился на остальных бояр. В глазах Нарышкиных читался страх. Причина его была видна издалека. Место, на котором стоял трон московских государей, сейчас было пусто. Стоило ли ему думать об обезглавленной России?

Нет государя – нет и трона. Вместо него стояла маленькая резная табуретка, которую принес из покоев дворца кто-то из слуг.

– Не бывало ранее такого! – осторожно шептались меж собой бояре.

– Что удумали Милославские?

Князь Василий Голицын ликовал:

– Нарышкиным конец. Вернут имения и вотчины, отнятые прежним царем Федором Алексеевичем. Но патриарх Иоаким еще в силе и не отдаст Нарышкиных за спасибо живешь. Патриарха нужно переизбрать. А кандидаты-то есть?

Голицын скривил лицо. У входа в Думскую палату послышался шум.

Из дверей появился бирюч и грубым, но зычным голосом прокричал:

– Царевна Софья Алексеевна Романова, соправительница Государей Московских.

Софья прошла в Думу и присела на табурет, что стоял вместо трона. Расправив полы платья, она посмотрела на собравшихся в Думе бояр. Царевна сразу догадалась, о чем шепчутся эти дородные, обрюзгшие от изобилия придворных яств, тучные детины с посохами в руках и высокими меховыми шапками.

– Здраве будьте, князья-бояре! – спокойно произнесла царевна.

Бояре встали и поклонились:

– И ты будь здрава, матушка царевна.

– Знаю причину кручины вашей, – продолжила она и указала на сдвоенный трон московских государей, одиноко стоящий в стороне. – Отныне править буду сама! – твердо произнесла она. – А что трона нет, бояре, так государство наше вроде как в войне, в неустройстве своем. А коли так, то где ж вы видели, князья-бояре, чтобы царь с собой на войну трон брал. На табурете сидит, по-походному. А будет устройство в державе нашей – и трон будет, – Софья улыбнулась. – Верно, Федор Леонтич? – царевна пристально и с прищуром посмотрела на Шакловитого. Было в ее взгляде нечто такое, отчего по спине думного дьяка пробежали не то кошки, не то тараканы.

– Все верно, матушка, – согласно закивал Шакловитый.

– Принцесса Софья весьма остроумна, – подметил иноземный посол шепотом. – Ловко она поставила на место этих зазнавшихся снобов бояр.

– Но ведь царевичи пока на троне, – оборвал его посланник английского короля.

– Сейчас узнаем, милорд, – усмехнулся немецкий посол. – Во всяком случае, наши задачи в Московии не меняются, кто бы из сих особ сей трон ни занял. Однако!

– Однако будет весьма прелюбопытно, – посланник английской короны лукаво ухмыльнулся.

Софья вновь взяла слово:

– Хочу объявить вам волю свою!

Бояре тут же насторожились, и вокруг воцарилась тишина. Все с нетерпением ожидали решение Софьи.

– Федор Леонтич, неси указ!

Царевна подняла руку. Думный дьяк Шакловитый, шаркая по ковру каблуками сафьяновых сапог, устремился к царевне со свитком в руках.

– Сама зачту, – пояснила царевна, протягивая ладонь к свитку указа.

Шакловитый спрятался за ее фигуру.

– С соизволения Господа нашего, беру в руки свои управление державой нашей единоначально. Регентом и помощником в сем деле будет назначен наш первый человек, князь Василий Василич Голицын.

Дума охнула. Бояре нервно заерзали на скамье. У многих из них были с Голицыным споры и тяжбы.

– В продолжение… – царица обвела Думу тяжелым взглядом. Хотя по ее голосу было видно, что ей и самой сейчас стало тяжело. – В продолжение, царевич Петр Алексеевич с матерью своей, бывшей царицей Натальей Нарышкиной, удаляется со двора в село Преображенское, для их же здравия и безопасности.

Софья свернула свиток.

Патриарх Иоаким в углу от наглости такой заскрипел зубами. Но стрельцы были грозной силой. Игнорировать их требования – значит обречь себя на постриг и ссылку в дальнюю обитель. Патриарх скривился и промолчал.

– Федор Леонтич, – произнесла царевна, – выйди на крыльцо, скажи стрелецким полкам, что воля их исполнена.

Шакловитый засеменил к выходу. Он чуть было не споткнулся о порог, но вовремя поддернул полы кафтана, отороченные соболем, и выскочил на каменное крыльцо.

Во дворе у Думской палаты собралось более двух тысяч царских стрельцов. Лица стрельцов были напряжены. Они ждали этого момента, потому и собрались на царском дворе. Сабли и пищали в их руках находились не для смотра или парада. Стрельцы пришли изъявить свою волю и надеялись услышать ответ власти на свои теребования. Шакловитый поморщился. Он еще помнил, какой грозной силой могут быть эти воины в красных кафтанах с пищалями наперевес.

– Стрельцы! – громко закричал Шакловитый.

Толпа стихла, открыв рты.

– В честь своего воцарения царевна Софья Алексеевна жалует каждому из вас по десяти рублев денег. Жалует вас званием придворной стражи. Ну и харчи, соответственно.

Стрельцы одобрительно гудели. Из их строя вырвался низкорослый толстяк и заорал:

– Слава царевне! Слава!

Стрельцы вздернули руки с оружием вверх:

– Слава царевне Софье!

Бояре в Думе испуганно съежились. Царевна пришла к власти на стрелецких штыках. Что она еще может удумать? Софья улыбнулась. Этот крик был ей милее всего сердцу.

А с опальным царевичем Петром и Нарышкиными будет время решить. Сейчас главное упрочить свое регентство над государством. Слабоумный братец Иван Алексеевич преградой не будет, он все же Милославский. А раз так, то и опираться она может на всех Милославских. Ну и что, что баба, зато своя. А Нарышкиным быстро бороды повыдергивают.

Царевна вышла из Думы, оставив бояр наедине со своими мыслями и страхами. Сейчас все складывалось как нельзя лучше. Думный боярин Артамон Матвеев и князь Михаил Долгорукий были мертвы. Нарышкины уже скорее мертвы, чем живы. Царевич Петр уедет в село

Преображенское. Теперь ничего не мешает устроить личную жизнь. Царевна вспомнила, как еще в девичестве при царствовании своего брата Федора Алексеевича они с сестрами тайком бегали смотреть театральные представления. Как это было загадочно и в то же время волшебно. И только маленькое оконце в стене отделяло ее от этих сильных и красивых шутов, балагуров и актеров. Этих античных героев, что спасали красивых женщин от лап чудовищ. Эта жуткая медуза Горгона и Одиссей. Герой Геракл, сын Зевса и простой смертной женщины. Это пугало и очаровывало одновременно. Но теперь все в прошлом. Она царица этой огромной державы, а детские страхи остались позади. Ей больше не нужно ходить в одиночестве под каменными сводами Коломенского дворца, выглядывать в окна и с замиранием сердца рассуждать, что где-то там есть другая жизнь.

Другая судьба, совершенно не похожая на жизнь ее сестриц, запертых в полутемных комнатах дворца, где единственными подружками были служанки. Она еще молода и красива, стало быть, быстро найдет свое место в истории. Софья улыбнулась сама себе в зеркальце и спокойно положила его на столик.

– Царевна, – раздался тихий голос из приоткрытой двери. Она узнала его. Милый сердцу друг. Теперь она может не опасаться перетолков посадской толпы. Князь Василий Василич достойный претендент на руку и сердце русской царевны. Не государь, но разве кто из латинских государей достоин ее руки? Нищие, презренные и малоземельные холопы. Ее держава могла вместить десятки таких государств.

– Проходи, князь, – тихо произнесла она.

Голицын вошел в покои царевны и, склонившись у ног величественной Софьи, робко поцеловал ее руку.

– Исполнены ли мои указы, князь? – спросила она.

– Ваше величество! – с восторгом произнес Голицын. – Все выполнено. Царевич Петр и его мать Наталья Нарышкина в Преображенском. Я оставил несколько своих людей с наблюдением.

Софья кивнула.

– Устал ли ты, Василь Василич? – нежно, с придыханием спросила она.

– Разве можно устать на службе у Ее величества, – отозвался Голицын, с нежностью и нескрываемой страстью расцеловывая руки Софьи.

– Ну, пока еще рано называть меня величеством, князь.

– Ничего не рано, моя царственная принцесса. – Голицын рванулся вперед и обнял царевну.

Софья была обескуражена его напором, но сдалась. Она лишь прошептала:

– Князь, еще не все закончено.

Но его уже было не остановить.

Утро пришло в Москву ярким апрельским солнцем. Уже не слышно во дворе боя барабанов шального Петруши. Не слышно и криков полоумного братца Ивана. Она словно попала в другой мир. Где все ее, и даже эти косматые облака, нависшие над маковками Ивана Великого.

Ее города, ее слободки и монастыри, больше не нужно прятаться, скрывая лицо под тяжелым балдахином, как ее сестрицам. Она – полновластная царевна.

Софья умылась и дала знак служанкам:

– Собирайтесь, едем к молебну в Троице-Сергиеву лавру.

Служанки забегали по покоям, доставая из сундуков наряды царевны.

На пороге появился дьяк Шакловитый:

– Далече ли, матушка, собралась?

– В Троицу, боярин, – бросила Софья. – Хочу помолиться в избавление от грехов.

Шакловитый усмехнулся:

– Так много ли их, матушка, так, с наперсточек.

– С наперсточек, но мои! – резко отрезала царевна.

Карета с царевной покатила по талому снегу. Шакловитый перекрестился:

– Ну, дай-то Бог.

Глава 2
Посадская слобода

За широким столом из грубо тесанных досок сидело пятеро собеседников. На столе стояла глиняная миска, наполненая квашеной капустой с клюквой. Одноглазый косматый мужик в рваном кафтане разливал штоф водки по грязным стаканам. Он опрокинул стакан в горло, тяжело крякнул и поднял кверху палец:

– Раскол – это вам не просто борьба веры нашей, а устремление души христианской супротив еретиков.

Хозяин трактира беспомощно развел руками:

– Кто их знает, как этих раскольников от порядочных людей отличить?

Одноглазый мужик назвался Сапыгой.

– Я давно по Руси скитаюсь, – продолжил Сапыга. – И верно говорю вам, что придет Спаситель и всех слуг анти-христовых покарает.

Зеваки, собравшиеся вокруг него, раскрыли рты от изумления.

– Чего же не покарал до сих пор? – возразил ему молоденький, словно не оперившийся щегол, паренек. – Сколь ждать-то еще?

Мужик по имени Гаврила, будучи старшим по возрасту среди собеседников, отвесил молодому парню подзатыльник:

– Наливай, пей да слушай, чего святые люди говорят.

Парень схватился за горлышко бутылки.

– Поставь на место, – удержал его рукой сидящий справа мужик. – Грешно горькую пить, – добавил он.

– А коли грешно, зачем наливаете тогда, – обиженно фыркнул парень. – И чего тогда этот проповедник пьет, – парень, словно дикий зверек, зыркнул на Сапыгу своими черными глазищами.

– Так я и не праведник вовсе, – в ответ посмотрел на него Сапыга. – Далеко мне до учителей наших. А про горькую это верно сказано, грех, но апостолы наши тоже не сразу праведниками стали. Через великие муки прошли. И взошли в Божье Царствие на кораблях огненных.

– Что-то я не пойму, мужик, – буркнул парень. – Попы никонианские про Царствие Божье вещают, и ты туда же. И какое из них самое праведное?

Сапыга замолчал и склонился к тарелке.

– А по мне, так царствие это для всех одно, – продолжил парень. – Ранее двумя перстами крестились, сейчас тремя. Что изменилось-то на небесах? Али Богородица другая стала?

Мужик, сидящий сбоку от парня, отвесил ему новый, не менее звонкий и болезненный подзатыльник:

– Больно умен, как поглядим. Сказано же: раскол!

Парень тихо нагнулся под стол и вынул из складок сапога нож. Резкий удар острым лезвием опрокинул мужика на пол. Молодчик соскочил со скамейки и, испуганно озираясь, закричал:

– Ну что, бражники, кто смелый, подходи!

Сапыга медленно вышел из-за стола:

– Слышишь, паря, не глупи! Мы тебя впервые видим, за стол пригласили по христианскому доброму обычаю, а ты аки зверь с ножом кидаешься.

– А какого он лешего дерется? – паренек ткнул пальцеми на стонущего от боли мужика.

– А я погляжу, гордый ты, не в пример остальным.

– Какой есть! – юноша обтер нож с деревянной рукоятью о скатерть и засунул обратно в сапог.

За дверями послышался шум. В трактир влетел какой-то мужик с истошным криком:

– Стрельцы идут.

Половой испуганно перекрестился и полез под стол.

В трактир вломились стрельцы и загородили выход из трактира со словами:

– Кто вы такие, откуда будете?

Молодой парень стал потихоньку пятиться к печи.

Мужик, которого только что порезали, перестал стонать и только тихо сопел. Стрельцы подошли к нему и открыли рану.

– Совсем плох! – произнес один из них. – До утра не дотянет.

– Кто его так?

Мужики в трактире расступились, образовав проход к печи, у которой сидел паренек, обхватив голову окровавленными руками.

– Взять его! – крикнул стрелецкий старшина. – На дознание. А вы кто такие, откуда будете, зачем прибыли? – он сгреб огромной ручищей со стола остатки трапезы, оставив только штоф.

Налив в стакан водку, он залпом опрокинул его. Затем стрелецкий старшина достал из сумки лист бумаги и перо, прокашлявшись, произнес:

– Подходи по одному и сказывайте. Только не врите мне, иначе шкуру спущу.

Парня скрутили, для острастки врезали пару раз по зубам, чтобы не вырывался, и вывели из трактира. У дверей уже стояли сани, запряженные гнедой кобылой. Грива кобылы была нечесана и не ухожена, так как взяли ее в соседнем дворе, как и сани.

Сам возок был устлан небольшим слоем соломы, на котором сидел еще один стрелец. Юношу небрежно кинули на возок. Уткнувшись в ароматное сено, он тихо застонал.

– Куды его? – спросил стрелец, взявшись за вожжи.

– Вези в Разбойный приказ, там разберутся, и грамоту им передай, – старшина протянул руку с разорванной по краям бумагой. – Скажи, Емельян Федотыч после допроса подойдет.

Стрелец на санях кивнул головой и дернул вожжи, слегка хлестув лошадь по крупу, и отдал команду к движению.

Сани покатили вдоль улицы. Из окон то и дело выглядывали лица любопытных посадских и тут же прятались.

Емельян Федотыч, стрелецкий старшина, редко ходил в патрули по московским слободкам, но чтобы не наесть брюхо и не потерять хватку, иногда все же срывался со своего обитого войлоком и бархатом табурета и выходил в патруль с низшими чинами. По своему разумению он и считал это настоящей службой престолу. Сейчас он сидел за деревянным столом в трактире, пытаясь разобраться в причинах этого непонятного ему преступления.

Березовые поленья в печи весело потрескивали, отдавая кирпичам свое тепло, что разносилось по трактиру. Это делало трактир весьма уютным заведением, где приятно было бы посидеть в тихий вечерок. Государева служба превыше трактирного уюта, стало быть, нужно вести дознание по всем правилам. Басаргин крякнул и уставился на печь.

«Что не поделили эти бродяги в рваных зипунах?» – терзали его мысли. Рядом с ним стоял одноглазый мужик, который, со слов трактирщика, являлся причиной ссоры. Он пододвинул к себе склянку с чернилами и обмакнул перо.

– Значит, Сапыга, говоришь, кличут, – прохрипел он, поднимая тяжелый взгляд на одноглазого мужика.

– Иван, сын Сапыгина, ваше благородие, – миролюбиво ответил мужик.

– Стало быть, так и запишем, – проговорил старшина. – Сапыгин Иван. Холоп али посадский?

– Мирянин я, – закивал головой мужик.

– Знамо нам, какой ты мирянин, – оборвал его старшина. – Али свободный, али беглый. Лоб покажи, – приказал Ивану старшина.

Мужик поднял челку грязных волос, обнажив грязную кожу.

– Клейма нет, – рассматривая задержанного, удивленно произнес Емельян Федотыч. – Руки тоже показывай, – приказал старшина, заставляя мужика закатать рваный рукав.

Мужик нехотя задрал драный рукав. Сквозь грязь на коже проступали пухлые нити вен.

– Тоже чисто, – с разочарованием заметил старшина.

– Может, и вправду мирянин, ваше благородие? – заступился один из стрельцов у двери.

– Разберемся, – херкнул старшина. – А что же ты, Сапыгин Иван, смертоубийство учинил? Не сам, конечно, но причиной явился, так?

Одноглазый мужик помял руки.

– Мы о вере, батюшка, спорили. Парень-то бешеный оказался и с ножом кинулся.

– Не то сказал что-то? – недовольно переспросил старшина.

– Так вся Русь нынче не так говорит, не так крестится, – кивнул Сапыга.

– Понятно, раскольник, значит, – старшина поморщился. – Ваши все в леса сбегли да в дальние скиты, ты чего тут оказался. Гляди, чего удумал, народ в столице бесовскими речами смущать.

– Да не раскольник я вовсе, батюшка, – начал виновато оправдываться Сапыга. – И знамение крестное тремя перстами кладу.

– Врешь, бесов сын, – довольно усмехнулся старшина. – А ну, перекрестись.

Емельяна Басаргина так и подмывала мысль, что раскольник врет и против своей совести и веры не пойдет. Тут он его и зацепит. Зацепит, словно окуня на железный крюк, и все встанет на свои места.

Кабатчик аккуратно снял с киота полотенце, прикрывавшее иконы. Сапыга, еле волоча ноги, обутые в лапти, подошел к киоту и трижды наложил крестное знамение тремя перстами.

– Ничего не понимаю, – пробурчал старшина. – Ежели ты никонианский обряд почитаешь, почему свара-то случилась?

– Так и говорю тебе, батюшка, бешеный он, – Сапыга недоуменно пожал плечами.

– Ну, хорошо, – Емельян Федотыч засунул перо обратно в склянку с чернилами и еще раз пристально окинул взглядом Сапыгу.

На душе у одноглазого мужика похолодело: так смотрят кремлевские подземелья на того, кто попадает в их жадное брюхо. Смотрят холодным лучиком солнца сквозь темные решетчатые окна да поворотными крестами, что выворачивают кости попавшим на них несчастным мирянам и раскольникам. Он знал этот взгляд, но сумел справиться с собой.

– Следующего давай, – зычным голосом приказал старшина.

Сапыгу оттолкнули к печи. К столу подвели другого мужика. Допрос продолжался, каждому присутствующему пришлось держать ответ перед стрелецким старшиной. Наконец Емельян Федотыч громко крякнул и встал из-за стола.

– Тимошка, – прошептал он в ухо караульному. – Будь внимательным, с одноглазого беса глаз не спускай, что говорит, куда ходит, с кем разговаривает, враз все докладывай. Нечисто тут.

Тимошка кивнул головой и исчез за дверью.

– Ребята, гоните их с трактира, – приказным тоном рыкнул Емельян Федотыч.

Караульные стрельцы вывели мирян во двор и затворили дверь.

– Карп, – кликнул старшина.

Из боковой двери появился трактирщик. Он сделал поклон и устремил взгляд на старшину в ожидании распоряжений. Старшина окинул взором трактирщика Карпа. Трактищик

был худ и крив, как сосенка на косогоре. Одет он был тоже бедно, но чисто. Сразу было видно, что за ним следят женские руки. Вовремя штопают и стирают.

Услужливость трактирщика очень забавляла Басаргина.

– Какой же ты услужливый, Карп, – рассмеялся старшина. – Не горькую пить остались. За одноглазым смотри. Как вновь появится, тут же в приказ доложишь. Я пока до приказа прогуляюсь, – оповестил он караульных. – Без меня на пост ступайте и не мешкайте, знаю я вас.

Емельян Федотыч важно встал, оправил кафтан и поправил саблю.

Москва ликовала. В честь воцарения Софьи Алексеевны на берегу реки Неглинной соорудили импровизированный деревянный амфитеатр для кулачных боев и медвежьих схваток. Народ облепил деревянные перильца цирка, наблюдая за тем, как два бурых медведя дерутся между собой. Вокруг бродили лоточники с пирогами и питьем.

«Квас, сбитень, пироги горячие, пряники медовые!» – разносились по округе зычные голоса. На одной из трибун сидели два важных человека. Один из них был одет в щегольский кафтан, отороченный по воротнику и рукавам собольими шкурками, что выдавало в нем особу важную. Возможно, даже приближенную ко двору московских государей. Другой же являлся образчиком дремучей старости русских боярских родов.

– Где царевна Софья? – с неподдельным интересом обратился Иван Савватеевич Широковатый к сидящему рядом князю Голицыну.

– На богомолье в Троице-Сергиеву лавру уехала второго дня, – тяжело вздохнул князь.

– Уж лучше бы ей в столице, подле престола быть, – покачал головой боярин Широковатый.

– А ты что, Иван Савватеевич, не иначе как измену какую учуял?

– Смотри, смотри, скоро ему конец, – Широковатый резко, насколько могло позволить ему его пышное тело, вскочил со стула, наблюдая за поведением раненого животного.

Медведь в белом ошейнике упал на траву, поднял переднюю лапу вверх и издал протяжный рык.

– Да ты не криви душой-то, боярин. Коли знаешь чего, так скажи, а матушка Софья в долгу не останется. Али секрет какой? – лукаво произнес Голицын.

– Так ты и сам знаешь, князь, – нехотя отозвался Широковатый.

– Знаю, да не все. К каждому боярину да дворянину шпиона не приставишь. Да и в верности стрелецких полков сомневаюсь я.

– Хочешь, сомневайся, хочешь, сам проверь, Василь Василич, а дело все-таки нешуточное.

Иван Савватеевич слегка пригнулся и поднес согнутую ладонь ко рту. Князь Голицын сразу понял, что от него хочет этот жирный дородный детина из посольского приказа, и тут же приблизился, чтобы лучше расслышать боярина Широковатого.

– Скажу, что сам слышал, – шепотом произнес боярин. – Петрушу-то, с матерью его царицей, Софья в Преображенское отправила. Да только готовят верхние бояре супротив государыни провокацию.

– Это кто же такие, слышал имена? – буркнул Голицын.

Иван Савватеевич отрицательно качнул головой и поморщился:

– А ты сам, Василь Василич, и разузнай. В этом деле я тебе не советчик.

Широковатый достал из кафтана гребень и расчесал бороду.

– Царице нашей, Софье Алексеевне, я завсегда друг, она наши обычаи русские чтит и вольности боярские да княжеские привечает.

– Уж и на том спасибо, боярин, – с почтением откланялся Голицын.

Недоумение и обида застыли на лице боярина Широковатого:

– Не юродствуй, князь, не время, правду говорю.

Медведи тем временем закончили схватку. У одного из них было разорвано ухо, он отчаянно ревел, пробуждая в зрителях животную ярость.

– Совсем обезумели мужики, – презрительно бросил боярин Широковатый. – Озверели холопы. Укажи на кого, вмиг разорвут.

Он брезгливо поморщился и поправил широкий пояс на свисавшем брюхе.

– Я, пожалуй, останусь, – медленно выговорил князь Голицын. – Есть над чем подумать, боярин.

Голицын развернулся лицом к арене, ожидая следующей части представления.

– А ты ступай, Иван Савватеевич, – ответил он, не оборачиваясь.

Боярин Широковатый язвительно ухмыльнулся и направился к выходу. Свое дело он сделал. Время покажет, насколько велика благодарность царевны: али плаха, али поместье новое.

«Надо зайти в Казначейский приказ! – размышлял он по дороге. – Проверить сплетню одну, а может, и чистой правдой окажется. Наперед не угадаешь».

Дверь приказа была обита новым тульским железом. В толстые дубовые доски врезали массивную голову вепря, продев меж клыков кованое кольцо. В горнице приказа пахло медом и топленой печью. Дьяки суетились за своими столами, раскатывая по доске пожелтевшие свитки царских указов. Сам хозяин заведения сидел за широким дубовым столом, уставленным различными склянками с чернилами, холщевыми мешочками с травами. Заметив боярина Широковатого, он приподнялся для приветствия, и тяжело осел обратно на свой стул.

Кивнув боярину толстым подбородком, он ухватился за одну из железных кружек и громко крикнул:

– Федька, подай кипяченую воду.

Ловкий слуга, обхватив полотенцем горячую рукоять, подскочил к Капризову и налил в кружку кипяток.

– Проходи, боярин, – Капризов ногой подтянул к столу еще один стул. – С чем пожаловал? – с прищуром спросил хозяин.

– Давеча слышал, что ты поместному дворянину Суконцеву займ в пять тысяч рублев дал. А расписочку взял?

Капризов усмехнулся:

– И дал, и взял, как же без расписочки? Деньги-то казенные.

Иван Савватеевич огляделся, словно боялся, что их разговор могут подслушать.

– А на какие цели ссудил?

Капризов сделал мелкий глоток из кружки и поставил ее на стол.

– Я про то у Суконцева не справлялся.

Боярин Широковатый разочарованно покачал головой:

– Вот и беда-то наша вся, Терентий Иванович, что не знаем, где голова спать ляжет.

Капризов недовольно поморщился:

– Это ты к чему, боярин?

Боярин безразлично махнул рукой:

– А ни к чему. Заявителя-то хоть знаешь?

– Знаю, – уверенно ответил Капризов. – Только не пойму я твой интерес в этом деле.

Иван Савватеевич сразу понял, что допустил некую оплошность, так нагло придя в Казенный приказ и пытаясь выведать финансовую бумагу. Но игра стоила свеч.

– Так нет интереса никакого, Терентий Иванович, любопытно просто, – произнес Иван Савватеевич, пытаясь изобразить полное равнодушие к данному предмету разговора.

С села Преображенского смерды сказали: видели, мол, у царевича Петра бравого дворянина с мешком денег, а дворянином тем оказался сосед царевича по имению. То, что Суконцев взял деньги в приказе, Иван Савватеевич не знал, сказал, что первым в голову пришло. Капри-

зов, в свою очередь, мог все отрицать, и доказать обратное было бы совершенно невозможно. Но исходя из того, что он не скрывал выдачу ссуды, значит, деньги выдали официально.

Осталось только дождаться возвращения царевны с богомолья и через Голицына узнать, не давала ли матушка добро на ссуду. Конечно, у Петруши и царицы Натальи Кирилловны при дворе есть жалованье. Но уж слишком большая сумма. На эти деньги можно было нанять целый стрелецкий полк или собрать ополчение числом двух полных полков.

Ясно одно, деньги для чего-то нужны, и явно не для ярмарки. Преображенское что, глушь да дыра.

Иван Савватеевич почесал бороду и встал:

– Засиделся я у тебя.

Капризов, довольный, что его оставят в покое с расспросами, согласился и, улыбнувшись, произнес:

– Хоть чаю с душистой липой и медком попей с дороги. А то все о делах да о делах.

Боярин Широковатый немного смутился неожиданному предложению и, подтянув руку к груди, произнес:

– Пойду я. Засиделся.

Капризову пришелся по душе отказ боярина, и он, облегченно выдохнув, погрузился в работу.

– Ну, ежели чего понадобится, забегай, гостям всегда рады.

Боярин, охая и кряхтя, поднялся с табурета и направился к двери. Не выходя за порог, он обернулся и перекрестился, глядя на киот. Капризов молча сопроводил его действия пронзительным взглядом.

Иван Савватеевич по своей натуре был жадный и расчетливый человек. Ему очень хотелось стать для царевны вроде названного отца, получать с ее рук поместья и должности, а звание обычного думного боярина его не устраивало. Но получить Софьино благоволение было делом весьма сложным. Для этого нужно особо отличиться, например, раскрыть заговор.

Нарышкины не сдадутся никогда, и вряд ли они, сидя в Преображенском, умилительно смотрят на провинциальную деревенскую пастораль. Произнеся это почти вслух, боярин брезгливо сплюнул на землю и сам себя выругал за это мерзкое иноземное слово.

А заговор зрел. Он точно был в этом уверен. Заговор – это как нарыв: он тихо зреет, пока не прорвет и не зальет все тело гноем. А гной – это Петруша и его увлечение иноземными вещицами. Ну, все Нарышкины одинаковы.

– А, почитай все, – махнул рукой Иван Савватеевич, глядя на боярские хоромы боярина Калугина.

За посадским двором подьячего Разбойного приказа Гнуси мелькнула отороченная собольим мехом шапка стрелецкого старшины. Иван Савватеевич слегка прищурился, пытаясь рассмотреть, какая особа захаживает к подьячему. Шапка мелькнула над забором, сколоченным из крепких сосновых досок, затем пропала и вновь появилась, но уже в конце улицы.

«Ловко шагает, и не поспеть за ним. А дело весьма любопытное. И мне бы поспешать надо», – подумал про себя боярин и крепче подтянул пояс, чтобы брюхо не сильно отвисало, и устремился вслед за мелькавшей среди дворов шапкой. Пару раз он оступился, чуть не слетев с мостков в грязную апрельскую жижу посадских слободок.

«Бегаю, аки холоп», – подумал Иван Савватеевич.

Но желание быть в курсе всех событий в жизни столицы и извлекать из этого выгоду заставляло дородного боярина быстрее переставлять толстые ноги, обутые в серые сафьяновые сапоги. Стрелецкий старшина, в свою очередь, никуда не торопился, отмеряя свой путь широким и твердым шагом, к какому его приучила походная жизнь. Но хитрец Широковатый быстро придумал выход из сложившейся ситуации. Он резко свернул на одной из маленьких улиц, зная, что срежет путь и столкнется со старшиной лицом к лицу.

В щели меж досок заборов кидались дворовые свирепые псы, учуяв чужака на своей территории. Они просовывали зубастые пасти в проемы заборов и щелкали клыками, заливаясь от собственной ярости. Иван Савватеевич, как и предполагал, вышел на широкую улицу, и столкнулся нос к носу со старшиной Разбойного приказа Емельяном Федотычем, спешащим в сам приказ, чтобы с пристрастием допросить парня, что накануне зарезал в трактире не то раскольника, не то обычного мирянина. Кто именно был зарезанный, он сейчас и спешил узнать.

Но на его пути встал боярин Широковатый.

– Здорово, старшина, – прокряхтел боярин, пытаясь отдышаться от долгой ходьбы.

– И ты будь здрав, боярин.

– Куда так торопишься? – усмехнулся Широковатый.

Емельян Федотович поправил форменный кафтан, подтянул ремень с саблей и лукаво посмотрел на боярина:

– Так и не тороплюсь, поспешаю.

– Случилось чего? – осведомился Иван Савватеевич.

Во дворах, услышав разговор двух людей, еще сильнее забрехали псы.

Посадские, сгорая от любопытства, с осторожностью выглядывали из-за заборов, словно пытались разобрать, о чем говорят эти достопочтенные люди.

– Людно тут, пойдем, – старшина подхватил неловкого боярина за локоть.

Они миновали слободку и вышли к стенам Кремля.

– Дело тут такое. На днях один бравый малый зарезал мирянина или раскольника, черт его знает, кто он.

– Поймали убивцу-то? – с интересом спросил Иван Савватеевич.

Старшина кивнул:

– Поймали и в приказ отправили. Да и пес с ним, убивцем этим.

– Ну?! – Широковатый сделал задумчивое лицо, словно он сам расследовал это дело.

– Меня больше приятели убиенного занимают. Врут, что не раскольники. А спор-то у них за обряды шел.

Иван Савватеевич усмехнулся и покосился на старшину:

– Нашел же, кому верить, смердам. Надо было всех в приказ доставить на дознание. Матушка ведь как говорит, ежели раскольник, то от ереси своей не откажется, если настоящий. Тогда и прощение ему только через покаяние и раскаяние. Иначе в сруб его, как еретика.

Старшина задумался:

– А если он крестится тремя перстами?

Иван Савватеевич задумался:

– Ну, коли так, то и не раскольник он вовсе, а глупец, плетями учить надо да на каменоломни высылать.

– И то верно. Но дознаться хочу, – задумчиво произнес старшина.

– Окажешь честь присутствовать при допросе, Иван Савватеевич? – старшина протянул руку вперед, указывая боярину путь.

Широковатый вздохнул:

– Веди, так и быть, допросим убивцу.

В Разбойном приказе было тихо. Подьячие трудились над бумагами, раскладывая листы с доносами по степени тяжести возможного наказания. Сенька подьячий с острым носом и впалыми щеками, увидев на пороге стрелецкого старшину со знатным боярином Широковатым, достал со стола бумагу и ключи.

– В подвале он, – пояснил Сенька.

– Не убили хоть? – поинтересовался старшина.

Сенька отрицательно мотнул головой:

– Эту седмицу Демьян внизу командует, он не зверствует.

– Вовремя успели, Иван Савватеевич, – осмелился дерзнуть Сенька.

В ответ боярин Широковатый усмехнулся и продолжил расспрос:

– Часто не успеваете?

Сенька скривился и попытался оправдаться:

– Да почитай всегда, когда на смене в пыточной камере Никодим Ноздреватый, не человек, а демон.

Боярин злобно ухмыльнулся:

– Вашего Ноздреватого самого бы в цепи и в подвал. Топорно работаете. Люди издыхают прежде, чем расскажут.

– Так тут и не монастырская келья, а Разбойный приказ, – заступился за подьячего старшина. – Ну, веди! – скомандовал он.

Сенька отворил в стене маленькую деревянную дверцу. Полумрак подвалов Разбойного приказа оставил неизгладимое впечатление на боярина Широковатого. Они шли по глухим коридорам, освещаемым только светом факелов. Где-то в стороне лязгали железные запоры и цепи, и эхо доносило крики умирающих заключенных.

– Тяжко тут у вас, – произнес вполголоса боярин.

Старшина перекрестился:

– Не дай Бог, постояльцем сюда определят.

– Коли совесть перед государыней чиста, то бояться нечего, – добавил в ответ боярин.

Старшина остановился и, посмотрев в глаза боярину Широковатому, спросил:

– А перед государями?

Иван Савватеевич растерянно поморщился:

– Господь рассудит.

Парень, которого доставили стрельцы с трактира за смертоубийство, лежал на соломенной подстилке, одной рукой пристегнутый к решетке кованой цепью. На лице темнели следы от кровоподтеков. Одна бровь была рассечена, но кровь на ней уже высохла.

– Ай-ай-ай, – покачал головой Иван Савватеевич. – Чего лупили-то так? – спросил он у Сеньки, что стоял рядом, бряцая связкой ключей на большом кольце. – На кой вам дознание-то понадобилось?

– Полагается, – ответил Сенька, глупо улыбаясь.

– Так он же признался во всем, – вмешался в разговор старшина.

– Под протокол надобно, – пояснил свою позицию подьячий.

– Ну, надо так надо, – с сомнением произнес боярин. – Отцепи его, – распорядился он. – Мы наверху подождем, разговор имеется.

Парня умыли холодной водой и сняли кандалы. Он брел босой по холодному каменному полу Разбойного приказа. Иногда он останавливался и утыкался лбом в железные прутья решеток. Его не торопили, давая прийти в себя для разговора с важными людьми.

Парня завели в маленькую келью для допросов с решетчатым оконцем под потолком и усадили на лавку.

– Ожидай.

Через несколько минут тяжелая дверь с коваными запорами натужно скрипнула, и на пороге появились два человека. Заключенный с трудом поднял голову и пристально посмотрел на вошедших. Один из них был ему хорошо знаком. Именно этот человек в стрелецком кафтане дал указание бросить его в подвал. Второй человек был ему не знаком. Но дородный вид и богатый кафтан говорили, что пожаловала важная птица. И речь пойдет не иначе о его сиротливой головушке, которую черт дернул связаться с раскольниками, засевшими в трактире. Парень мотнул головой и уставился на белую стену, по которой черной точкой, медленно перебирая лапками, ползла большая черная муха.

Боярин Широковатый немедля уселся на лавку подле стола и, подтянув брюхо руками, с прищуром посмотрел на парня. Стрелецкий старшина Емельян Федотович Басаргин, отодвинув тяжелый стул от деревянного стола, деловито уселся на него, опустив локти на стол.

– Начинай ты, Иван Савватеич, – попросил старшина Широковатого.

Широковатый довольно крякнул, хоть какое-то развлечение.

– Значит, о вере говорили с бражниками в трактире? – строго спросил у заключенного Иван Савватеевич.

Заключенный повернул голову в его сторону.

– О вере, батюшка, – сквозь зубы пролепетал парень. – В раскол они подались, или знаются с ними.

– Повтори, – вклинился в допрос старшина.

– Про огненные корабли говорили, про поклоны и двуперстие, – пояснил парень.

Боярин отчаянно прицокнул языком:

– Я что говорил!

– Как величают тебя? – спросил Широковатый.

– Волдарь, – растянуто ответил парень.

– Чей будешь, откуда? – наседал на него старшина.

– С Поморья я.

– Свободный крестьянин, стало быть? – уточнил Иван Савватеевич с легкой иронией.

Парень согласно кивнул.

– А в Москве чего забыл?

– С рыбным обозом приходил, да деньги все пропил.

Широковатый криво усмехнулся:

– Теперь уж не скоро рыбу свою увидишь.

Боярин обратился к старшине с неожиданным вопросом:

– Раскольники на Москве объявились?

– Так они и раньше были, – усмехнулся кривой улыбкой старшина, – только тихо сидели.

– Так я о том толкую, – добавил ему вслед боярин. – Вновь пришла ересь Аввакумова в столицу.

– Стража! – громко крикнул старшина. – Этого забирайте и не бейте больше. У него вся вина на лице написана.

Боярин Широковатый и старшина вышли из здания приказа.

– Ну, что делать будем, а? – спросил старшина.

Иван Савватеевич покосился на старую кремлевскую стену. Местами кирпич выпал, осыпавшись на землю красно-бурыми осколками и песком.

«Неустройство в государстве нашем», – про себя произнес он.

– Ловить будем, как положено. О таком происшествии придется доложить думному боярину Шакловитому. Он указик издаст, матушка подпишет, тебе, Емельян Федотыч, как и положено, искать.

Старшина пристально посмотрел на боярина. Заметив его взгляд, Иван Савватеевич поспешил его успокоить:

– Тебя не забуду, не сомневайся, вместе дознание провели.

Старшина повеселел. Служба службой, а деньги карман в кафтане не оттянут. Не святым же духом питаться.

Глава 3
Преображенские коллизии

Утро в селе Преображенском выдалось пасмурное. Туман лег на верхушки деревьев, и казалось, будто они покрыты огромным пуховым одеялом, а шапки из тугих, косматых облаков готовы вот-вот пролиться первым летним дождем. Где-то на опушке леса куковала кукушка. Сверчок, примостившись в щели бревен темных покатых сельских изб, издавал радостные трели, радуясь теплу и летнему солнцу. На лугу за селом сидела девчушка, на голове которой красовался венок из первых цветов подснежника и мать-и-мачехи, глядя на старшего брата, закинувшего удилище из сосны в яму у изгиба реки.

Единственными звуками, что нарушали эту райскую деревенскую пастораль, были бой пехотного барабана да стук десятков плотницких топоров.

Юный царевич строил свою первую крепость: Престбург.

Потешные гренадеры, пока еще просто бывшие деревенские холопы, упражнялись с деревянными мушкетами в штыковой атаке и строевых маршах.

– На плечо взять! Шагом арш!

Бывшие холопы, не понимая команды, рушили строй, запинались о переднюю шеренгу, наступая друг другу на пятки. Франц Лефорт бегал по полю, где еще несколько лет назад крепостные сажали овес, и орал на будущих солдат.

– О майн гот. Ты есть тупая русский скотина! – брызгал он слюной, выхватив очередного провинившегося рекрута из строя. – Питер, это очень, очень сложно их обучать.

Высокий юноша, стоящий у деревянных, наспех сколоченных ворот крепости, улыбался, глядя на его старания. Он хлопал широкой ладонью немца по плечу, приговаривая:

– Ты уж постарайся, Франц.

Немец вскидывал руки в стороны и плелся обратно к строю. Так повторялось изо дня в день, пока горе-воины не постигли искусства строевого шага. Но и на этом их беды не закончились. В крепость доставили литые пушки, и будущие гренадеры пытались взять крепость штурмом, над деревянными сводами Престбурга раздавались стоны и проклятия. После очередного штурма бывшие холопы выплевывали на траву зубы и утирали кровавую юшку с разбитых носов.

– Петруша развлекается, – глядя в окно деревянного дворца, шептала прислуге Наталья Кирилловна Нарышкина. Она выпивала свой чай и садилась за новую вышивку.

Но ее Петруша вовсе не развлекался.

Численность потешного войска достигла двух полков. Такую орду нужно было кормить. И Петруша постоянно клянчил у маменьки деньги. Но денег в казне не было. Нарышкины брали деньги у своих сторонников в надежде дождаться того момента, когда юный Петруша достигнет совершеннолетия и сам примет участие в управлении державой, тогда деньги непременно найдутся. Но на пути его полного воцарения стояла властная сестра Софья.

Но сейчас Софья была в Москве, а Петруша здесь, в Преображенском, устраивал очередные маневры своих потешных полков.

– О мин херц, прибыл голландец Карш… Карштен Брандт, – запинаясь, выпалил Меншиков. «Да что ж у этих иноземцев имена такие корявые».

– Приехал, значит, голубчик. Так веди меня скорей к нему, – оживленно воскликнул Петр и, улыбнувшись, обнял Алексашку.

Петр огромной ручищей схватился за деревянную ручку двери. Его глаза сияли от радости. В большой и светлой гостиной Петра ожидал низкорослый мужчина в голландской треуголке, держа в руках кружку с напитком. В середине зала суетилась девушка-челядинка.

Служанка ловко расставляла на столе блюда с разными яствами и кувшины с ароматными напитками. Заметив царевича в распахнутых дверях, человек в иноземной треуголке поднялся и отвесил поклон, приветствуя царевича.

– Ну, накормили тебя? – щурясь, спросил Петр у иностранца.

– Да, герр Питер, премного благодарен. Я привез с собой со свой страна немного инструмент, – с трудом проговорил Карштен Брандт.

Он плохо владел русским языком, что весьма потешало юного Петра. Немного смутившись, иностранец продолжил:

– Но я не один, со мной приехать жена. Она много болеть без меня. Нужен уход, – пытаясь оправдаться, произнес голландец.

Петр, разобравшись, в чем дело, поспешил успокоить гостя:

– За этим дело не встанет.

– Питер, инструмент лежит в сундуке, – добавил голландец, – нужно занести его под крышу.

Петр повернулся к двери и громко крикнул:

– Алексашка, беги ко мне скорей.

Через мгновение в двери показалась голова Меншикова.

– Слушаю, мин херц, – протянул он.

Петр указал в сторону двора:

– Пойди во двор, собери сундуки с инструментом и пристрой надежно.

– Сделаю, мин херц, – кивнул головой Меншиков и тотчас исчез.

– Ну, герр Брандт, с чего начнем? – с нетерпением начал разговор Петр.

Голландец отложил жареную курицу обратно на тарелку и вытер платком рот.

– С чего государь желает начать? – поинтересовался он.

– Конечно же, с кораблей! Дерево привезли, пеньку и смолу доставили. Завтра пушечный заряд привезут и пушки, – не пытаясь скрыть юношеского задора, продолжал Петр.

– Чтобы строить хороший корабль, герр Питер, нужен хороший вода. Здесь вода очень маленький. Корабль мелкий будет.

– Будет тебе, Брандт, большая вода, – Петр стукнул кулаком по столу. – На Плещеево озеро поедем. Там флот наш первый строить будем.

– Потешный? – переспросил голландец.

– Зачем же потешный, настоящий! Да так, чтобы пушки палили да врагов на абордаж брать можно было. Все как в Голландии, – гордо заявил Петр.

Брандт согласился с царевичем и произнес:

– Понимаю, герр Питер. Хорошо, будем строить настоящие корабли. Только денег нужно будет очень много, – печально произнес голландец.

– А уж это не твоя забота! – усмехнулся Петр. – Я царь, а не сестрица моя. Будут тебе деньги, Брандт.

Петр выскочил во двор и широким шагом направился к терему матушки. По пути он движением руки сорвал с амурных дел Меншикова, который, пристроившись на деревянных перильцах, нашептывал что-то дворовой девке.

– Бегу, мин херц, бегу! – кричал вдогонку Алексашка, пытаясь догнать Петра.

– Матушка, ты указ мой в Казенный приказ отсылала? – взволнованно протараторил Петр, ворвавшись в покои Натальи Кирилловны. Напор юного царя был сродни морской буре, такой, что тяжелая деревянная дверь чуть не соскочила с петель.

– Да тише ты, оглашенный, – Наталья Кирилловна всплеснула руками. – Дворец так по бревнышку разнесешь. Отсылала указ, Петруша. Намедни дворянин Суконцев в Москву с бумагой отправился.

– Ну и что? – Петр буквально высверливал глазами мать.

– Привез деньги Суконцев, Петруша, привез.

Петр облегченно выдохнул.

– Правда, не всю сумму дали, – добавила царица. – Дьяк казенного приказа говорит, в казне денег нет.

– Ну, сколько дали-то, не тяни.

– Пять тыщ рублев в приказе наскребли, – Наталья Кирилловна достала из шкатулки грамоту.

– Наскребли они, – злобно прошипел царевич. – На свои дела царевна Софья деньги находит, стрельцам жалованье увеличила. А на царский флот деньги они по сусекам скребут.

Петр хлопнул кулаком по столу. Посуда на столе зазвенела и опрокинулась.

– Ох, дождется сестрица у меня.

– Это все думный дьяк Шакловитый Федор Леонтич воду мутит, – поправила сына Наталья Кирилловна.

– А ему, – Петр закусил кулак. – Ему особливо голову рубить, в первую очередь. Вор Шакловитый. Вор! – Петр был вне себя от ярости.

– Так недалече им Петруша осталось, – поспешила его успокоить Наталья Кирилловна. – Петруша, думали мы тут женить тебя.

– Что? – Петр обернулся и удивленно посмотрел на мать. – Это зачем еще?

Глаза царя округлились, и лицо налилось краской.

Наталья Кирилловна взяла со стола кубок и налила в него квас:

– На вот, выпей кваску, успокойся и дослушай. Коли женишься, Петруша, то по закону вступишь в совершеннолетие. Ну и править уже сам сможешь, коли не отрок уже. Хватит Софье при живых государях заправлять. Пора бы и честь знать.

Петр хитро прищурился:

– Обещать, маменька, не буду, но обязательно подумаю.

– Подумай, Петруша, – матушка открыла ставни окна и посмотрела на зеленеющие поля поместья. – Куда сейчас-то торопишься, сынок? – тихо спросила она.

– На Плещеево озеро! – твердо ответил царевич. – Корабли строить будем с голландцем.

– Ой ли уж корабли? – Наталья Кирилловна недоверчиво посмотрела на сына. Опять фантазирует Петруша, как со своими потешными солдатиками.

Тем временем к Плещееву озеру тянулись обозы с мастеровыми и челядью. Бревна для распиловки на брус и доски доставляли из Ярославля, а иную сосну прямую без веток – с самой Камы. Мастеровые ставили большие деревянные стойки из тесаных стволов и скрепляли их между собой такими же деревянными перемычинами. Далее в получившийся каркас затягивали длинный прямой киль, к которому нагелями крепили форштевень и шпангоуты. Топоры бойко стучали на всю округу. Челядь из соседней деревни была занята прокормом большого количества ртов. Из соседних лесов и перелесков доносились звонкие ребячьи голоса юных грибников.

– Неужели построит? – удивленно спрашивали бояре у Меншикова, что днем и ночью дежурил подле Петра и новой верфи.

Алексашка поднимал кверху указательный палец и, дождавшись, пока бояре откроют рты от нетерпения, величественно изрекал:

– Всё непременно построит, а вы матросами при царских кораблях будете, паруса ставить, якоря поднимать.

Бояре охали, глядя на свои жирные фигуры, и, перекрестившись, причитали:

– Свят, свят, свят, куда ж нам, Александр Данилыч, в матросы-то. Ты прикажи только, мы тебе из дворовых ребят отыщем, кого надо.

Алексашка смеялся во все горло и добавлял:

– Да шучу я, бояре, с вашими формами только по реям и лазать. Деньги на корабли готовьте, да не скупитесь.

Бояре, так же вздыхая, протягивали руку к поясу, щупая кошелек, и качали головами.

– Ирод Алексашка Меншиков, мало того что царь с казны все деньги сгреб, так денщик его исподнее готов снять.

– Чего бурчите, аки пни гнилые, – усмехнулся он, глядя на боярские причитания. – Али дело царево вам не любо?

Бояре дружно кивали головами:

– Любо-любо, Лександр свет Данилыч.

– Алексашка, поди-ка сюда, – Петр воткнул топор в бревно. – Ты смолы да пакли сколько возов купил?

Царевич ухватил Меншикова за правое ухо и потянул кверху.

– Восемь, отец родной, – запричитал Меншиков.

– А денег на сколько возов взял? – не унимался Петр, пытаясь дознаться от денщика все, что тот мог утаить.

– Так на десять, – скулил Алексашка. – Собрали только восемь, на остальные деньги пеньку да десять ведер гвоздей привезли. Все сходится по счету, государь.

Петр отпустил его ухо и погрозил пальцем:

– Ты смотри мне, Алексашка, воровать будешь, шкуру спущу.

– Мин херц, – запричитал Меншиков, – ни рубля в карман не положил, ни к чему мне деньги. Потребуется, у тебя попрошу.

Петр ослабил хватку, слова Алексашки несколько успокоили его.

Мастеровые, вставив шкворень в прорезь бревна, на который садился руль, пытались вогнать в бревно деревянный нагель, но эта затея никак не выходила, то ли нагель напитался водой, то ли мастеровые высверлили отверстие не по размеру.

– Кто ж так бьет? – воскликнул Петр, выхватив из рук мастерового деревянный молот. Плюнув на руки, он широко размахнулся: – Берегись.

Мастеровые отпрянули в сторону, опасаясь попасть под размашистое движение царевича. Петр с первого удара загнал деревянный нагель в отверстие, а мужики лишь с удивлением качали головами, поражаясь невероятной силе молодого царевича.

– Мин херц! – потешно приплясывая и что-то насвистывая себе под нос, приближался Меншиков.

Петр откинул молот в сторонку, ожидая, что же хочет поведать ему Алексашка.

– Ну, чего как стрекоза по полю летаешь, дел мало?

– Дел много, мин херц, – с некоторой таинственностью в голосе произнес Меншиков. – Вели наградить меня за заслуги перед Отечеством.

– За какие же заслуги награду просишь? За то, что ты по всему селу скачешь да девиц дворовых портишь? – с иронией в голосе допытывался Петр.

– Не угадал, мин херц, – ответил Меншиков, раскланявшись в плавном реверансе.

– Ну, говори, ирод, не томи, ей-богу, выпорю, – в сердцах выкрикнул Петр.

– А нашел я, Петр Лексеевич, для нашей флотилии еще одного лоцмана, – Меншиков с гордостью склонил голову.

– Врешь, прохвост, – усмехнулся Петр. – Откуда в нашей дыре еще один лоцман, кроме тех, что я из Голландии выписал?

– А вот и не вру, – не унимался Алексашка. – Эй, Федот! – он окликнул сухопарого мужика, сидевшего на телеге, наполненной пенькой. – Веди хромого из села Пересвягино.

Мужик соскочил с телеги и направился в сторону изб. Через некоторое время он появился с идущим позади мужиком, прихрамывающим на левую ногу.

Подойдя к Петру и Меншикову, мужик отвесил земной поклон и устремил взгляд в землю, ожидая распросов от важных персон.

– Кто ты таков? Не вор, не раскольник, случаем? Много вас в лесах кроются, выдают себя за нужных людей, – сурово начал выпытывать мужика Петр.

– Никак нет, мой государь, – заикаясь, прошепелявил мужик.

– Алексашка, – царевич злобно посмотрел на Меншикова. – Какой же он лоцман, гляди, как шепелявит!

– Это он от страха перед тобой, мин херц, – поспешил успокоить царя Меншиков. – Ты говори, мужик, кто ты, где службу вел, как в плен к шведам попал? Говори, царь ждет, иначе не сносить тебе головы.

– Дело мое простое, – начал хромой. – С малых лет у шведов палубу мыл. Затем стал помощником шкипера на торговом судне. Ходил и в военные экспедиции.

– И как тебе, русскому мужику, шведы доверяли? – с недоверием спросил царевич.

– Так с малолетства я у них, язык наш стал забывать, – хромой опустил голову, затем поднял ее и посмотрел в небо. – А представился случай у берегов Беловодья, так враз убег.

– А чего убег? Или шведы кормили плохо? – продолжал допытываться Петр.

– Нет, государь, кормили хорошо, и даже жалованье рейсхталерами положили. Да только невмочно мне на чужбине, по волнам болтаться, как бесхозная лодка.

– А на родине, под русским флагом, вмочно будет?

– Под своим флагом, государь, с превеликим удовольствием.

– А ну, пойди сюда, – Петр подскочил к мужику и потянул его за кафтан к почти достроенной галере. – Это что такое? – Петр указал ему на выступающее с носа корабля бревно.

– Бугшприт, – не задумываясь, ответил хромой.

– А что за веревки от него к носу идут, а? – Петр лукаво прищурился, надеясь, что сейчас-то мужик точно ошибется.

– Бакштаг, мой государь, – так же без запинки ответил мужик. – А это ватер-штаг, это мартин-гик, – продолжал сыпать морскими терминами хромой мужичок.

– Зело умен, мореход, – рассмеялся Петр. – Алексашка, – выкрикнул он, – ставь морехода на довольствие. У матушки из казны десять рублев за него лично получишь.

Через месяц на стапелях верфи стояла первая русская галера, построенная по шведскому образцу. От нее пахло свежей смолой, которой мастеровые промазывали стыки досок, свежей парусиной, доставленной из голландского Утрехта. Якоря, кованные на одном из тульских заводов, блестели, отражая яркие блики, ослепляли глаза прохожих. Народ проходил мимо, раскрыв рты от красоты заморского корабля, не переставая удивляться расторопности юного царевича.

Петр воткнул топор в комель молодой сосенки, лежащей на стапеле. У избы мастеровых стояло два человека, один был одет в форму стрельца, а другой в обычном кафтане, подпоясанный широким кожаным ремнем, на котором крепилась сабля. Человек с саблей был небольшого роста и в разговоре со своим собеседником постоянно жестикулировал, едва не попадая руками в лицо собеседнику. Петр сразу узнал дворянина Суконцева, наблюдателя при дворе царевны Софьи. Увеличивая шаг, царевич поспешил навстречу гостям. Его интересовал только один вопрос, выполнил ли Суконцев просьбу маменьки. Заметив издали высокую фигуру царевича, Суконцев и сопровождавший его стрелец низко поклонились. Петр буквально навис над обоими:

– Ну что там в Москве?

Суконцев чуть отошел в сторону, дабы лучше видеть лицо царевича.

– На Москве все спокойно, мой государь, окромя ереси. В Китай-городе четырех раскольников с проповедями нашли. Ну и, как положено, в цепи заковали, – Суконцев поправил саблю и посмотрел на Петра.

– Кроме того что? – Петру не терпелось услышать главную новость.

– Царевна отправляет карательную экспедицию на Вятку против еретиков по просьбе патриарха. Его старинного друга, старца, в расколе уличили.

– Да что мне еретики твои, нет интереса россказни ваши слушать! – взорвался Петр. – С казной что? Почему казна опять пустая? Мне корабли нужно строить, негоциантам за товар платить, народ кормить, а казна опять пустая.

– Намедни царевна стрельцам жалованье раздала, – осторожно начал Суконцев. – Вдвое больше прежнего дала. Говорит, бунтовать собирались.

– Врет, врет все Софья, подкупить стрелецкое доверие хочет.

В глазах царевича читались нотки злости и отчаяния. Едва сдерживая гнев, Петр произнес:

– За стрельцами следить, ты лично, Максим Петрович, в ответе будешь, – он ткнул кулаком в грудь стоявшего рядом с Суконцевым стрельца. – Теперь ступайте! – распорядился Петр. – Если дело срочное возникнет, сразу гонца ко мне посылай.

Суконцев кивнул головой.

– А это тебе за труды, – Петр достал из поясного кошеля трехрублевую монету и протянул Суконцеву. – Как на престол встану, имение получишь от меня за верную службу, а стрельцам жалованье повышено будет, и званием не обижу, – обратился Петр к стоящему рядом с Суконцевым стрельцу.

Лошади скакали бойко, унося двух царских служивых к Москве. Впереди уже виднелись пряничные маковки теремов бояр, стены Китай-города и колокольня Ивана Великого.

– Когда уже это закончится? – тяжело вздохнул Суконцев.

– Ты что имеешь в виду? – отозвался стрелец в седле. – Служба царская она до конца, пока Господь не призовет.

– Ох, Максим Петрович, хитришь ты, однако, – рассмеялся Суконцев. – От ответа уйти норовишь.

– Так и не было вопроса, – усмехнулся стрелец.

Глава 4
Лавра

Карета царевны остановилась у ворот монастыря. Кучер сошел с козел и открыл двери. Софья огляделась. Ворота заскрипели, и показалась голова инока.

Он решительно направился к царевне и склонил голову:

– Матушка, патриарх в Лавре.

Софья улыбнулась:

– Вот уж не ожидала, но коли так, то разговору быть.

Под куполами колоколен раздался веселый колокольный перезвон, возвещая о прибытии царской особы в Лавру. Патриарх Иоаким уже встречал ее у входа в храм.

«Все-таки старик переступил через себя», – думала она, ступая по каменным дорожкам монастыря. Ему пришлось смириться, и дело не в том, что она стала чеканить собственную монету, и не в успехе Крымской кампании князя Голицына. Она нужна ему в борьбе с ересью, пока братец Петруша занят постройкой своих корабликов. Ересь Аввакумова захлестывает государство и уже докатилась до Москвы, охватив при этом Дон и Тобольскую губернию. Эти мысли терзали Софью, не давая покоя ни днем ни ночью.

Патриарх, в знак приветствия, протянул руку царевне и обратился с вопросом:

– Здорова ли, матушка царевна?

Софья слегка опустила голову, скрывая легкую улыбку. Сейчас, когда Нарышкины с приближением совершеннолетия Петра вновь обретали свою силу, ей необходимо было окружение верных и более мудрых людей, каким и являлся патриарх.

Софья оглядела золоченые купола собора, перекрестившись, приложилась губами к кресту в руках патриарха и медленно прошла в храм.

– Помолимся вместе, владыка, а после дела наши мирские обсудим.

Владыка, не скрывая улыбки, согласился и добавил:

– Не ожидал тебя здесь увидеть, царевна. Словно кошка черная меж нами пробежала. А вере истинной с того разорение.

Софья склонила голову и лукаво улыбнулась:

– Я тебя тоже не ожидала увидеть, владыка. Про веру ты правду сказал. Сколько же пожарищ народ, одурманенный еретиками, примет. Сколько душ невинных сгорят в сатанинских ладьях.

Иоаким перекрестился:

– Согласен я с тобой, матушка царевна. Много ереси в земле нашей.

– Взять Тобольский уезд, так, почитай, сколько душ монах раскольник Даниил на реке Березовке в небо увел. Не успели стрельцы до пустоши добраться, предупредили раскольников. Везде у них свои люди, как паутиной державу нашу опутали. Воевода-губернатор не узрел близ себя предательства. А куда смотрел воевода? За карманом своим смотрел.

В глазах патриарха блеснули маленькие капельки слез. Ему стало нестерпимо больно за эти несчастные души невинно сгинувших женщин и детей.

– Была б моя воля, самого в тот корабль огненный загнал и спалил бы заживо, – с горечью произнес патриарх.

– Да что же ты говоришь, владыко, – Софья с ужасом посмотрела на патриарха.

– А что я говорю, – патриарх стукнул железным концом посоха о каменную плиту. – Пора бы скиты все затворнические извести, царевна.

На колокольне зазвенел благовест. В монастырском саду распустились яблони и пахло липой.

Софья с нежностью вдыхала удивительный аромат цветов.

– Как же хорошо здесь, владыко, а аромат какой чудесный, сердцу прямо петь хочется.

Патриарх посмотрел на пустившие цвет яблони и искренне улыбнулся.

– А душе как свободно! Век бы здесь провела, в красоте при Божьей милости да без забот. Уезжать не хочется. Сколько езжу в Троицу на богомолье, завсегда садом твоим дивным не устаю любоваться. А там что, владыко? – Софья указала на небольшие темные ящики под деревьями.

– Это ульи, царевна, – ответил патриарх. – Монахи медоносных пчел разводят. Я тебе пришлю медку здешнего, матушка. Пчела – Божье создание.

При упоминании меда и пчел сердце Иоакима смягчилось, и его речь сделалась такой же тягучей, как этот мед.

– Есть ли вести от царевичей, матушка? – спросил патриарх.

Софья кивнула:

– Есть, владыко. Петруша корабли свои строит на Плещееве озере, а царевич Иван опять занемог.

Софья вспомнила, как намедни царевич Иван, вновь сраженный болезнью, забился в припадке у трона перед самым заседанием Думы. Лекари тотчас же скрутили припадочного царевича и унесли прочь в его покои. Три дня его отпаивали разными отварами, лекари немецкие мази иноземные прикладывали. Встал царевич. Но не с лекарств и снадобий, а с Божьего соизволения. И вот опять болезнь протянула к Ивану свои костлявые руки.

– Помолись, владыко, сегодня за брата нашего. И я помолюсь.

– Да, трудно ему на царстве придется, – согласился патриарх, – однако не он себя выбрал. Господь ему ношу такую дал. Ну, да ладно, – патриарх оттолкнул концом жезла камушек с поверхности каменной плиты.

– Царевич Петр недавно денег на корабли свои просил.

– Дала ли, матушка? – вопросительным взглядом глянул на Софью патриарх.

– В казенном приказе пусто было. Вся казна ушла на войну против турок. Наскребли по сусекам пять тысяч рублев, то и ссудили.

– Это хорошо! – глаза патриарха заблестели. – Не время сейчас государям ссориться. Другие вопросы решать надо. Слышала ли, матушка царевна, про Дионисеву пустошь? – Патриарх на секунду остановился.

– Нет, не слышала, владыко, только ты и сказал. А что, беда какая приключилась?

Иоаким набрал в легкие воздух. Софье на миг показалось, что патриарх задыхается, но он остановил ее коротким движением руки.

– Был в монастыре, под Торжком-градом, старец. Дионисием звали, святой человек был да умом не обделен.

Царевна внимательно слушала речи патриарха, пытаясь понять смысл его слов.

Патриарх опустил глаза на каменную плиту, на которой сейчас стоял, и добавил:

– В раскол Дионисий ударился. Собрал вокруг себя таких же овц заблудших и давай проповедовать. А коли стрельцы нагрянут, грозится скит сжечь вместе с бабами да детишками малыми.

Софья удивленно посмотрела на патриарха:

– Так они и раньше, владыко, себя сжигали. Послать роту стрельцов ряженых да скрутить зачинщика.

– Нет, матушка, – патриарх отрицательно покачал головой, – как со всеми нельзя. Другом мне был тот старец, вразумить хочу.

Софья вздохнула:

– Ну, коли так, отправлю кого нужно. Приведут тебе твоего старца, владыко.

Патриарх перекрестился и спросил:

– Молиться со мной пойдешь, царевна?

Софья, склонив голову, произнесла еле слышно:

– Одна сегодня справлюсь, владыко. Прости.

Патриарх улыбнулся:

– Тут не за что прощать. Ступай, молись.

Софья была довольна беседой с патриархом. Первый раз со дня ее воцарения патриарх принял ее со спокойной душой, без злобы и наущений.

Полуденное солнце окрасило золотом купола Троицкого собора. Ему под стать взлетели в небо маковки Успенского собора. За толстой крепостной стеной, уже не раз выдерживавшей осаду неприятельских войск, было тихо и по-домашнему уютно. Уже не нужны были греческие герои, сражающиеся с многоголовыми гидрами. Ни римские императоры. Не нужны театральные постановки, что так завораживали девичье сердце в юности. Здесь все сияло благолепием. И кажется, что не нужно сердцу русского человека ничего больше, чем созерцать взором эти маковки куполов и услаждать слух перезвонами Благовеста. Она прошлась по дорожке вдоль рядов молодых лип и заметила у изображения Святого Духа нескольких монахов в черных рясах, между ними разгорелся жаркий спор. Софья заинтересовалась, о чем могли вести столь оживленную беседу эти люди. Тихонько, чуть дыша, Софья подкралась как можно ближе к темным фигурам, прячась за стволами деревьев. Монахов было четверо.

Высокий инок Сафоний, очевидно еще послушник, рассуждал о природе царской власти на Руси. До черного монашества уже докатились слухи о противостоянии Софьи и Петра, и сейчас монахи ожесточенно спорили, кто для монашества будет лучшим государем. Его противник Никодим, пожилой монах, со всей страстью утверждал, что именно царевна является хранителем той дремучей и праведной Руси, что испокон веков рождала праведников и великих подвижников. На что Сафоний возражал, дескать, корабли и новое устройство армии никоим образом не затрагивают их служения. При любом монархе их долг служить Богу, а кто лучше – Петр или Софья, – то решит Господь, и не им, чернецам, это дело мыслить. Софья помнила, как во время Стрелецкого бунта в Москве бежала в Троицу с двумя юными братьями и всем двором. Тогда Федор Леонтьевич Шакловитый восстановил порядок в стрелецком войске, навсегда покончив с зачинщиками Московской смуты.

Глава 5
Потаенный скит

В тяжелую деревянную, сшитую из ладных сосновых досок дверь тихо постучали.

– Кого еще леший принес, – ругаясь, соскользнул с печи хозяин дома. Обув ноги в чуни, он поплелся к двери. – Померещилось али нет?

Он зачерпнул из деревянной кадки ковш воды и почти залпом опрокинул его. Протерев от испарины ладонью шею, мужик сел на лавку. Псы во дворе умолкли, но откуда-то издали опять послышался еле слышный стук.

– Откуда же стук? – рассуждал полусонный хозяин дома, присев на лавку возле огромного дубового стола. – Допился, царица небесная, – он поднял глаза на киот и перекрестился.

Тихий стук вновь повторился.

– Иду, – хозяин дома, кряхтя, поднялся с лавки и, откинув щеколду, прошел в сени. В сенях было прохладно. – Кто там? – вполголоса спросил он, беря в руку кистень, стоявший у косяка.

– Прокофий Федорович, – из-за двери раздался тихий голос, – это я.

Хозяин дома сразу узнал этот голос.

– Сапыга? И чего тебя леший в такую пору принес.

Хозяин был не рад такому гостю.

– Отвори, – жалобно проскулил тот же голос.

Хозяин отложил кистень на лавку в сенях и открыл большой деревянный запор. В дверном проеме тут же появилась фигура взъерошенного Сапыги.

– Мне бы спрятаться, Прокофий Федорович, – начал он прямо с порога.

– Чего это вдруг? – возразил недовольный хозяин.

– Стрельцы меня по слободам ищут. Ей-богу, на дыбу отправят, – Сапыга сел на скамейку в сенях и облокотился на бревенчатую поверхность стены.

– Натворил чего? – спросил хозяин.

– Дай водицы напиться, – неожиданно попросил Сапы-га. – Опосля расскажу.

Прокофий вынес ковш с водой:

– Ну и на кой ляд ты сюда явился, коли тебя стрельцы ищут. Себя не уберег, и меня под монастырь подвел?

– Ей-богу, не хотел, Прокофий Федорович, – начал оправдываться Сапыга. – Не к кому мне в Москве пойти. Помоги мне, Христом Богом прошу.

– Сколько же ты хорониться будешь? – недовольно спросил хозяин.

– А как утихнет в слободках, так ты мне весточку и дашь.

Сапыга отложил ковш.

– Тьфу ты, принесла нечистая, – выругался хозяин. – Ну, пойдем, коли так.

Сапыга, перекрестившись, осторожно вошел в избу.

– Может, накормить тебя? – предложил хозяин.

– Да, не откажусь, – кивнул Сапыга.

Он еще раз перекрестился и сел за стол. Прокофий Федорович поковылял к печи. При помощи ухвата он вытащил на стол чугунок с еще теплой кашей и отломил гостю краюху черного хлеба. Усевшись напротив Сапыги, он смотрел, как тот ловко орудует деревянной ложкой в чугунке с кашей. Наконец Прокофий Федорович не выдержал и спросил:

– Чего стрельцы взгоношились, утихло же все?

– Все, да не все, – Сапыга отложил ложку. – Емельян Федотыч, старшина из Стрелецкого приказа, лютует.

– А чего ему лютовать? – спросил хозяин.

– Ересь раскольничью старшина на Москве увидел, – опустив голову, ответил Сапыга.

– Так вроде извели всю. И в церкву к их попам ходим причащаться. Смирился уж народ православный. Жить хочет, а не по лесам да скитам бродяжничать.

– Это верно, – заметил Сапыга. – Только знается старшина с думным боярином Шакловитым и подручным его боярином Широковатым. А тем везде измена супротив царевны Софьи мерещится. Были мы на днях в трактире, сиживали, о вере говорили. Затесался в наши ряды бешеный какой-то парень. Ну и поспорили, как водится. Семка водовоз его на место хотел поставить, а тот его ножом и порезал. Ну, а дальше стрелецкий караул налетел, всех скрутили, допрос, как положено, учинили. Трактирщик, что ли, сдал, не пойму. – Сапыга замолчал. – Просижу три дня и уйду в дальний скит.

– Уйдешь ли? – усомнился в его словах хозяин дома. – Если Шакловитый в этом деле интерес имеет, то стрельцы все слободки перепашут, а найдут. Опасно мне тебя у себя держать. Да и семья у меня.

– Что же делать, батюшка? – Сапыга уставился на хозяина.

– Медлить не будем, – хмуро изрек Прокофий Федорович. – Был у меня тут рупь в заначке на черный день. Так, видимо, пришел этот день вместе с тобой. Полезай сегодня на сеновал. А завтра я подводу с сеном найму, там спрячешься поглубже, да так и вывезем тебя из Москвы, а там сам решай, куда тебе податься – на Вятку, на Дон али далее в Сибирь. Кончилось былое. Нужно думать, как дальше жить, али ты в корабль огненный хочешь? – Прокофий Федорович осуждающим взглядом окинул своего собеседника так, что мурашки пробежали по спине Сапыги, а в душе похолодело, словно в лютый мороз.

– Да, видать, по-другому никак, Прокофий Федорович.

Утром к дому Прокофия Федоровича подкатила телега, груженная сеном.

– Хозяин, куда сено выгружать? – крикнул мужичок с подводы.

– Никуда не выгружай, – откликнулся хозяин. – Иди пока в дом чаю попей, позову тебя потом.

– Благодарствую, хозяин, – мужичок ловко спрыгнул с телеги и направился в сторону избы.

Сапыга тем временем юркнул в стог сена и затаился. Убедившись, что ночной незваный гость уже спрятался в копне сена, Прокофий Федорович перекрестился и крикнул кучеру:

– Чего расселся, али чаю не пил давно?

Мужик выскочил из дома и направился к телеге.

– Поезжай, родимый, вот тебе полтина за работу.

Прокофий Федорович смотрел, как кобыла ковыляет по грязной мостовой, удаляясь от его дома. Вместе с ней исчезали ночные страхи, пережитые накануне.

* * *

Стрелецкий старшина Емельян Федотович Басаргин сидел за столом в своем доме в благостном расположении духа. Царевна добавила к жалованью еще пять рублев. Можно подумать, как расширить двор и пристроить еще один сруб. Конюшня али подклет – про то потом подумать можно. Сейчас можно скопить деньжат и откупить у Андрюшки Косого левый угол огорода, в половину десятины, выходящий к Яузе.

Настасья, жена стрелецкого старшины Емельяна, сняла с огня самовар и налила по чашкам ароматный липовый чай. При виде связки баранок с маком к горлу у Емельяна Федотовича подступила слюна.

– Подожди, оглашенный, – укорила его жена, – горячее ведь.

– Чего ждать? – огрызнулся старшина. – Сейчас набегут с делами казенными, опять, почитай, голодным останусь. Придется пирогами с лотков «Прости Господи», питаться.

– Чем тебе опять пироги с лотков не угодили? – откликнулась жена, продолжая возиться у печи.

– А то, что не могу я всухомятину питаться, – жалобливо буркнул Емельян. – Подавай скорей на стол.

За оградой раздались ржание лошадей и громкие крики. Емельян Федотович в сердцах отложил блюдо с пирогом на стол и крикнул жене:

– Иди, глянь-ка, кого леший опять принес.

Настасья выскочила во двор. Через некоторое время она вернулась.

– Ну, чего там?

– С приказа были, требуют тебя немедля. Споймали, говорят, давеча какого-то еретика-заговорщика. Свезли в приказ.

– Это хорошо, что в приказ свезли, – старшина удовлетворенно крякнул. – Обождет пока, некуда ему нынче спешить. Воры ворами, а обед в срок.

Через час Емельян Федотович, прикрепив к поясу свою неизменную спутницу саблю, мерял стрелецкими сапогами деревянную мостовую к Кремлю. Пройдя через ворота Константино-Еленинской башни, он оказался у ворот Тюремного приказа. Двое стрельцов в карауле, завидев Басаргина, тотчас вытянулись, как по струнке, подтянув бердыши к плечам.

– Живого хоть доставили? – спросил он.

– Это вы про кого, ваше благородие? – переспросил молодой стрелец.

– А что, многих взяли сегодня? – удивился Басаргин.

Другой стрелец, поняв, кого имеет в виду старшина, поспешил исправить ситуацию:

– Здесь он, батюшка, жив-здоров. Ребята, правда, его помяли немного, но не смертельно. Для дознания сойдет. А то, что крив на один глаз, так это до нас было. Таким уже взяли.

У Емельяна Федотовича мелькнула шальная мысль: «Уж не тот ли это одноглазый мирянин, что в трактире бучу учинил? И имя такое странное – Сапыга».

– А ну, отворяй, ребята, – распорядился он и спустился по низкой лестнице в подвал.

В подвале со стен и потолка сочилась вода, пахло прелым сеном и соломой. Сапыга лежал на прелой соломенной подстилке в грязной, покрытой плесенью камере. Емельян сразу узнал его. Подойдя к железной решетке, он тихо постучал ключом по замку. Сапыга открыл глаза.

– Пришли, аспиды, – сквозь выбитые зубы прохрипел узник.

– Пришли, пришли, – усмехнулся Емельян Федотыч. – Подымайся давай. Сейчас и об аспидах поговорим, и о крамоле твоей. Все, что мне тогда в трактире не досказал, или обманул в чем, все скажешь.

Сапыга попытался расправить затекшие конечности, что вызвало жуткую боль, которая отозвалась по всему телу неприятными уколами, словно тысячи иголок впивались в его изможденное тело. Одноглазый узник, издавая тяжелый стон, вновь свалился на прелую соломенную подстилку.

– Ну, ты, давай не прикидывайся, – улыбнулся Басаргин. – Ребята сказали, что били не сильно, берегли для нашей с тобой задушевной встречи.

Старшина вышел во двор и потер костяшки рук.

– Что, Емельян Федотович, не получается у вас с ним душевный разговор? – к старшине подскочил один из стрельцов.

– Я пока к монастырскому подворью схожу, а вы приведите его в порядок, – заключил старшина. – Через часик вернусь.

Спустя час Сапыга сидел в камере для допросов.

– Помнишь меня, одноглазый? – спросил старшина.

Басаргину очень хотелось, чтобы тот его вспомнил. Сапы-га застонал и отвернулся к стене.

– Вижу, что помнишь, – улыбнулся Басаргин. – Я тебе что в трактире сказал? – Старшина прищурился. – Говорил, что бежать тебе из Москвы надо да на глаза мне не показываться. А ты не послушал.

Тяжелая кованая дверь в камере отворилась, и на пороге появился один из стрельцов с кружкой липового чая. Старшина попытался осторожно остудить горячий напиток и пристально посмотрел на узника:

– В сене от кого прятался? Скрывать есть чего? – Басаргин отодвинул кружку с чаем в сторону и склонился над узником. – К вечеру не расскажешь, отдам тебя в лапы Ноздреватому, а тот все кости тебе вывернет да заново вставит. Думать тебе часок. Как на башне колокол три раза пробьет, почитай, время твое и вышло. А куда оно выйдет – на плаху или каторгу, – решай сам, я пока к стрельцам схожу, поговорю, а ты подумай.

Басаргин захлопнул за собой кованую железную дверь.

В голове Сапыги водили хороводы сонмы чертей и ангелов, нашептывающих этому окровавленному одноглазому бродяге варианты спасения. Одни сулили земное спасение, если расскажет всю правду, кто хозяин дома, в котором он укрылся. Зачем он к нему приходил. Есть ли среди них заговор.

Другие в свою очередь вторили, что тело его погибнет, но душа будет спасена. Мысли одна за другой проносились в голове Сапыги, словно стая щебечущих стрижей, отчего несчастный терялся в догадках, как же ему поступить. Он смотрел единственным заплывшим глазом на свое окровавленое тело, переводя взгляд на маленькое решетчатое окно допросной камеры и на бадью с водой, в которой плавал деревянный ковш в форме утки.

Сколько же он уже не пил? Сапыге казалось, что за глоток воды, за эти капли живительной влаги, что прольются в его иссушенное и выжженное горло, он готов рассказать все и даже отказаться от Царствия Небесного.

Он не великий предводитель группы повстанцев и святой мученик, он маленький одноглазый человек, который хочет жить, пусть даже такой непутевой жизнью грязного бродяги.

– Ну что, подумал? – Басаргин отворил двери и прошел в камеру.

Сев за грубо сколоченный стол, он широко расставил в стороны ноги, давая им немного отдохнуть.

– Рассказывай, – протянул старшина. – Чего бежал, говори, у кого прятался?

Сапыга тяжело вдохнул и легким движение головы показал на кадку с водой. Басаргин кивнул и опять вышел за дверь. Сапыгу напоили и дали умыться. Старшина не поскупился с расходами, послал одного из стрельцов за пирогами с рыбой.

– Раскольники мы, – начал Сапыга, прожевывая пирог, который чуть ли не полностью попытался затолкать в рот.

– А как же троеперстие в трактире? – удивился Басаргин.

– Батюшка, жить уж больно хочется. А этот бешеный всю проповедь нам испортил. Думали мы, своим станет.

– Стал? – рассмеялся старшина. – Этот убивец сейчас в Разбойном приказе кости свои парит, если не вывернули еще. Ну, да ладно, – старшина подвинул табурет и сел напротив несчастного Сапыги. Сдашь всех, грамоту дам, в Москве жить будешь, а там, глядишь, хату какую приобретешь да жить как человек будешь.

Старшина утер усы и строго посмотрел на Сапыгу.

– Все равно всем раскольникам конец вскоре придет, выведем мы гнездо их осиное. Сдать али нет, своя голова все равно ближе и милее. А тех, что покаются да прощения испросят и от раскола отрекутся, глядишь, простит царевна-матушка. Ребятишки малые имеются, а женское

сердце к дитям сиротным завсегда жалостливее. А не простят, так в Сибирь отправят, все живые, а иначе голову с плеч снимут, чего же думать. Каяться надо.

– Я у нашего головы в учениках был, он ранее в учениках у учителя Никодима ходил. А того сам батюшка Аввакум на подвиг благословил.

– Дальше? – пробасил Басаргин. – Про заговор против царевны что слышал?

– Про заговор, батюшка, ничего не знаю, – проныл Сапыга.

– Врешь, ирод! – Басаргин подскочил с табурета и принялся расхаживать по камере из угла в угол.

Успокоившись, он сел за стол и стал постукивать костяшками пальцев по дереву, словно выбивая барабанную дробь.

– Ну, смотри мне! – погрозил он пальцем одноглазому. – Коли врешь. Завтра всех возьмем. И все узнаем.

На рассвете в ворота у крайней избы в Ордынской слободке раздались глухие удары прикладов пищалей.

Стрельцы деловито прохаживались вдоль дома, ожидая, когда сонные хозяева слезут с печи. Дворовая шавка, учуяв беду, забилась в свою конуру и не показывала носа.

– Ладные ворота у нашего еретика, – усмехнулся один из стрельцов, рассматривая с нескрываемой жадностью кованую голову быка, сквозь которую было продето верченое кольцо. Не дождавшись ответа, стрелец повторно ударил прикладом в ворота и не удержался от попытки сбить бычью голову с ворот, хозяину, судя по всему, она больше не пригодится.

Прокофий Федотыч слез с печи и, протерев кулаком сонные глаза, поковылял к дверям. Зацепив по привычке одной рукой кистень, что стоял тут же у двери, сонный хозяин вышел во двор.

– Кто вы такие? – строгим голосом допытывался Прокофий Федорович.

В ответ послышался смех стрельцов и зычный голос старшины, который уже принялся зачитывать приказ.

В голове Прокофия Федоровича помутнело. Он отбросил кистень в сторону забора и поднял щеколду замка. Внезапный удар прикладом свалил его на мокрую от утренней росы землю.

– Ну что, добегался? – усмехнулся старшина. – Скоро вам всем, раскольникам, конец придет. Вяжите его, – старшина одним движением указал стрельцам на лежащего на земле Прокофия Федоровича.

Пройдя во двор, старшина споткнулся о какой-то предмет. Подняв кистень с земли, он внимательно осмотрел его и крикнул:

– Тихон, иди сюда, забери улику.

Тихон, стрелец с длинными, как у донского казака, усами, подбежал к старшине и, забрав кистень, завернул его в полотенце.

– Может, кровушку чью найдем, – добавил он, унося находку.

Старшина по высоким ступеням поднялся на крыльцо.

«Дом ладный, как у боярина, – рассуждал он. – И откуда у раскольников столько денег, не иначе как сам сатана ссуживает».

Старшина усмехнулся, довольный своей догадкой, и толкнул дверь носком сапога. В избе стояла тишина. У каждой стены стояли аккуратно застеленные лавки, киот с иконами освещался небольшой лучиной, громадный дубовый стол был идеально вычищен. В дальнем углу стояла печь. Старшина подошел к занавеске, закрывавшей внутреннее пространство между печью и потолком, и прислушался. Тихое сопение выдавало присутствие людей. Он резко отдернул темную занавеску. На печи, подвернув под себя ноги, сидела молодая женщина, сжимая в объятиях двух малолетних детишек.

– Васька, – позвал старшина одного из стрельцов. – Поди-ка сюда. Здесь баба с малыми детишками. Забери их в телегу, да сена больше положи.

Услышав эти слова, Прокофий Федорович рванулся с телеги и упал стрельцам в ноги, умоляя пощадить жену и детей.

– Они же ни в чем не виновны, – со слезами на глазах умолял Прокофий Федорович. – Не раскольники мы, пощади.

– Разберемся в приказе, – резко отрезал один из стрельцов.

До Кремля ехали молча. Жена Прокофия Федоровича обнимала перепуганных детишек, прижимая их к груди. Сам Прокофий молчал, рассуждая про себя о произошедшем с ним. Он покончил с расколом более пяти лет назад. Иногда, чтобы свидеться, хаживали бывшие братья. Заходил и Сапыга.

«Не иначе как поймали ирода?» – мелькнула шальная мысль в его голове. Но ведь тот надежно укрылся в сене. «Ай, Сапыга, сукин сын. Сдал», – выругался про себя Прокофий Федотович. Надо брать все на себя, чтобы отвести беду от семьи. «Сапыга уже позаботился о своей скудной душонке, предал ближнего, не думая, что кто-то осудит его за этот гнусный поступок, кто же меня упрекнет, если стану на защиту своей семьи. Коли так, гори оно все синим пламенем – и раскол их, и святые отцы, и отшельники скитские. Всех выдам – и скиты, и кто на Москве тайные собрания учиняет. Никого щадить не буду. А Бог простит, еще не понятно, чья вера правильнее», – так рассуждал Прокофий Федорович, а по его щекам лились горькие слезы, накатившие от обиды и разочарования.

Прямо у ворот Разбойного приказа их встречал Емельян Федотович Басаргин.

Сегодня он надел новый кафтан и шапку, а кожаный ремень с петлями для ножен оставил старый, но не раз проверенный в бою. Боярин Широковатый также имел стремление принять участие в допросе.

Оба служивых царевны стояли у ворот и тихо разговаривали, а поговорить им было о чем. Царевна, идя навстречу патриарху, организовала карательную экспедицию на Вятку, чтобы разорить раскольничий скит и вытащить из него живого старца Дионисия. Ввиду личной просьбы царевны, Федор Леонтьевич Шакловитый уступил это дело боярину Широковатому, а ему нужен доверенный человек, что исполнит волю царевны точь-в-точь, живот положит, а старца убережет и в Москву на Патриаршее подворье доставит. Дело государственной важности боярин Широковатый мог доверить только одному человеку – старшине Разбойного приказа Емельяну Федотовичу Басаргину ввиду его прошлых заслуг и прозорливости. Не предполагая, как Басаргин отреагирует на сию новость, боярин Широковатый попытался начать разговор издалека, пока позволяло время.

– А что бы ты сказал, Емельян Федотович, ежели бы царевна тебе звание полковника жаловала да имение, – начал, слегка заикаясь, боярин Широковатый.

– И за какие же заслуги? – заинтересовался Басаргин. – Говори, чего задумал.

– Некому, кроме тебя, Емельяша, ехать, ну не мне же, боярину, по лесам да болотам прыгать.

Басаргин молча выслушал боярина и достал из кармана фляжку, наполненную водкой. Налив до краев железную стопку, он залпом опрокинул ее и, занюхав рукавом кафтана, произнес:

– Кафтан весь чесноком пропах и закуски не надо. – Он рассмеялся, глядя на покрывшегося испариной боярина.

Широковатый облегченно вздохнул, он понял, что уговорил Басаргина участвовать в экспедиции.

– На здоровье, Емельян Федотович, – с улыбкой на лице произнес боярин. – И мне уж тогда налей, чего уж там. Тоже твоим кафтаном занюхаю.

Они рассмеялись, глядя, как в ворота приказа въезжает телега с мужиком, бабой да ребятишками. Рядом с телегой шагали стрельцы, искоса глядя на арестантов недобрым взглядом.

Телега остановилась у внутренних ворот тюрьмы. Тяжелая деревянная решетка, окованная железными прутьями и с обеих сторон стянутая железными болтами с большой шляпкой, медленно поднималась вверх, скрипя веревками по подъемным барабанам.

Дождавшись, пока телега с несчастными скрылась внутри, боярин и Басаргин направились вслед за ней по деревянным подмосткам, боясь измарать в грязи кожаные сапоги.

– Есть, матушка, заговор еретиков, – улыбаясь, прошептал Софье Шакловитый. – Боярин Широковатый и стрелецкий старшина дознались давеча.

– И кто же? – Софья развернула свиток.

– Раскольники давно потаенно в московских слободках живут, свои вечери тайно правят, собираясь в избах.

Софья пробежалась глазами по бумаге.

– Сознались сами?

– Как есть, матушка, все выложили.

– Покаялись ли, отреклись от старой веры?

– Да, матушка, – Шакловитый кивнул. – Одна беда, у главаря их двое детишек остались, дочь да мальчишка. На каторгу отправлять жалко, не выживут они там. Черт уж с ними, стариками, – Шакловитый махнул рукой, чуть не задев склянку с чернилами на столе.

– Девка-то справная? – поинтересовалась царевна.

– Справная, государыня, и на лицо, и на фигуру, двенадцати лет от роду.

Софья задумалась, она подошла к окну и, немного постояв, произнесла:

– Девку ко мне во двор приведешь. А брата ее можешь себе в холопы забрать.

Шакловитый кивнул, но возразил:

– Мне он ни к чему, своих холопов вдоволь, но пристрою к стрельцам, как пса верного выучат.

Софья согласилась с решением Шакловитого.

– Все верно, ни к чему нам грехи лишние на себя брать, Феодор Леонтич.

Шакловитый повернулся к киоту и перекрестился:

– Все так, матушка.

– О просьбе моей поговорим.

Софья взяла в руку колокольчик. Заслышав звон из покоев царевны, в дверях показалась фигура служанки.

– Марфа, чаю подай нам, – велела царевна.

Софья и Шакловитый сели за стол, застеленный плотной узорной скатертью.

– Говори, Феодор Леонтич.

Шакловитый посмотрел на прислугу, разливавшую чай, намекая на то, что присутствие челяди при разговоре лишнее. Марфа, разлив по фарфоровым чашкам чай и выставив на столе вазу с медовыми пряниками, выскользнула, словно тень, оставив их наедине.

– Нашел я, матушка, кому дело столь важное поручить, – жалобливо прогундосил Шакловитый.

– А чего не рад тогда? – царевна посмотрела на думного боярина.

Шакловитый отложил пряник и покачал головой.

– Так ведь пришлось посулить деревушку и звание полковника, матушка, – пожаловался Федор Леонтьевич.

Софья удивленно посмотрела на боярина:

– Эка беда, деревушка, раз сам патриарх просил. Али забыл, как он нам поперек дороги стоял?

– Не забыл, матушка, – кивнул Шакловитый. – Разве забудешь, когда твоя голова на кону стоит.

– Это хорошо, что помнишь, Федор Леонтич, – тихо произнесла Софья, боясь, что кто-нибудь из слуг подслушает их разговор. – Нам в борьбе с Петрушей и Нарышкиными поддержка патриарха, как лик святой, надобна. Я десяти деревушек не пожалею и боярского звания тому, кто мою просьбу исполнит.

Шакловитый усмехнулся:

– Уже не нужно, матушка, и за одну деревеньку справного служивого нашли. Знаешь ли, матушка, старшину Разбойного приказа Басаргина?

Софья улыбнулась:

– Как не знать.

– Вот он и поедет, – Шакловитый стукнул ладонью по столу. – Мешкать не будет, а ты, матушка, чтобы впредь не смущалась секретные разговоры вести, челядь в другую половину дворца отсылай да стрельца подле двери ставь. Так и тебе, и мне спокойней будет.

Сапыге, как и обещал старшина Басаргин, сняли с ног колодки, перевели на этаж выше. В том коридоре содержали узников по мелким делам или тех, кого скоро выпустят на свободу.

Из узкого оконца была видна надвратная икона на Константино-Еленинской башне, и узники могли помолиться, подойдя к окну. Со стен и потолка уже не сочилась вода, а на каменном полу, вместо прелой соломенной подстилки, были сколочены нары из толстых сосновых досок, накрытые войлочным тюфяком. Сапыга не рад был своему договору со старшиной и клял себя за это. Но он не в силах что-либо исправить. Пайку давали исправно: овсяную кашу и вареную репу. Сердце несчастного Сапыги постепенно успокаивалось, иногда ему казалось, что ничего этого не было и сидит он по слабоумию своему, с того самого момента, как бешеный парень зарезал одного из скитников в трактире.

Но пришедшее благостное неведение было разрушено звоном отпирающихся ржавых замков и скрипом поднимающейся внутренней решетки. Сапыга бросился к оконцу и приник к железным прутьям. Во внутреннем дворе стояло с десяток колодочников. Их одежды превратились в рваные лохмотья, через дыры которых сияли темные синяки и кровоподтеки. Сапыга жадно глотнул воздух. Он узнал их. Узнал несчастного Прокофия и его жену. На левой ноге Прокофия темнела деревянная колодка, которую тот подтягивал за цепь вверх, чтобы она не била по ноге. Его жена выглядела несколько лучше, по крайней мере на ее лице не было следов от побоев.

– Куда их? – спросил стрелец с бердышем у ворот.

– В Сибирь, куда ж еще? – откликнулся провожатый. – На рудники железные, али на завод. Воевода тамошний решит.

– Да какие из них работники, – усмехнулся стрелец. – Издохнут по дороге.

– Не велика беда, – рассмеялся сопровождающий. – Издохнут – быстрей назад воротимся. А ну, пошли, – он пихнул бердышом крайнего в ряду.

Колодочники, подтянув цепи кверху, заковыляли к воротам. Сопровождающие стрельцы лихо запрыгнули в телегу и покатили следом. Сапыга слетел с окошка и бросился на тюфяк. Зарывшись в него лицом, он тихо зарыдал.

К десятку колодочников, что вывели из Разбойного приказа, присоединилась еще колонна арестантов. Среди них был и тот бешеный парень, что оказался с Сапыгой в трактире. Колодочники проследовали через Китай-город, через слободки Белого города и вышли на Владимирскую дорогу. Далее Москва заканчивалась и начинались безбрежные просторы Руси.

Глава 6
Огненные корабли

Дионисий вышел из лесной избы. Дерн с крыши почти весь съехал на землю, и перед маленьким оконцем лежала куча земли. Бревна потемнели от времени, и маленькую дощатую дверь уже затягивало кустами дикой малины. Ему и не надо было больше. Здесь, в глухой лесной чаще, отгороженной от ближайшего поселения бревенчатым частоколом, ему никто не указывал, сколькими перстами креститься, какие поклоны бить, как читать молитву. Вокруг его избушки, словно грибы подосиновики, выросли такие же избы новой раскольничьей братии. Мужики стучали топорами, вырубая делянки под новые хижины, детишки бегали меж деревьев, собирая ягоды и грибы. Бабы стирали у речки белье. Скит жил своей обыденной и в то же время таинственной жизнью. По сути, она и не отличалась от прежней жизни, за исключением различий в обрядах и поведении людей. В скиту никто не пил хмельных напитков. Все были заняты делом и молитвой. Новый вятский воевода Андрей Иванович Леонтьев знал старца Дионисия и по старой памяти не стал препятствовать появлению нового скита на берегах Вятки. От властей это скрыли, да и воевода на своей земле сам себе власть, лишь бы народ раскольничеством не прельщали да в мирские дела не совались. Так и рос скит год за годом. Беглые колодочники, скитаясь по вятским лесам, рано или поздно обретали в ските тихое пристанище. Слышал про то и Прокофий от учителей бывших. Сейчас его путь лежал через город Хлынов, где в придорожном трактире разместился на постой стрелецкий старшина Разбойного приказу с сотней стрельцов, а в недалеком будущем полковник Емельян Федотович Басаргин. Емельян Федотович с тоской взирал на провинциальное устройство трактира. Стены заведения давно не видывали уборки, на маленьких оконцах висели замызганые льняные занавески, а черные от копоти углы делали помещение еще темнее, чем оно было на самом деле. Столы и скамьи были настолько хлипкими, что, казалось, вот-вот развалятся, а в воздухе витал запах старого жира, алкоголя и гари от забитого дымохода. Лысоватый, худощавый хозяин трактира, одетый в затертый жиром кафтан, прекрасно вписывался в интерьер собственного заведения. Басаргина на пороге трактира встретила жена трактирщика, жирная неухоженная баба в замусоленном переднике. Воеводы в Хлынове на данный момент не оказалось, так как гостил у родни на именинах, но Басаргину обязательно надо было увидеться с ним, чтобы вручить грамоту от Шакловитого, заверенную царской печатью. В тот же день к воеводе отправили гонца со срочной депешей, Басаргину оставалось только ждать. Старшину внимательно разглядывали десятки глаз завсегдатаев таверны, которые с опаской перешептывались, что делало его присутствие невыносимым, но перед ним стояла задача любым способом выяснить, где находится раскольничий скит. Взгляд Емельяна Федотовича упал на трактирщика.

– Подойди ко мне, человече, – надменно растянул он.

Трактирщик оставил посуду на полке и, преклонив голову, подошел к старшине. Басаргин еще раз обвел его взглядом, пытаясь выхватить деталь из его облика, которая непременно даст ему железную зацепку для задушевной беседы в пользу самого Басаргина.

«Сапожки у него, конечно, хлипенькие», – подумал про себя Емельян Федотович. Но с нужды ли али от суетной работы, старшина не знал.

«Раз штаны заплатами штопаны, беден трактирщик, раз на одежку новую барышей не хватает», – продолжал рассуждать старшина, осматривая внешний вид трактирщика. Наконец, Басаргин принял позу благодетеля и достал из-за пояса тугой кожаный кошель.

– Знаешь, что тут? – хитро прищурившись, спросил старшина.

Трактирщик в знак согласия кивнул головой и тихо произнес:

– Как не знать, ваше благородие.

– Да ты садись, в ногах правды нет, – старшина рукой указал трактирщику на табурет рядом с собой и достал из кармана небольшой мешочек, от которого пахло табаком.

Трактирщик поморщился, ему еще не ведом был запах табака.

– Знаю, братец, – начал Басаргин, – терпишь нужду. Народа мало к тебе захаживает, и доход не велик.

Трактирщик согласно закивал:

– Верно, батюшка.

– Софья Алексеевна, да будет здрава, матушка, – перекрестившись за здравие царевны, Басаргин тут же продолжил: – Царевна наша хочет отыскать человека одного. Можно сказать, святого.

При слове «святого» Басаргин нелепо поморщился. За помощь в деле грошей много ссудила. Емельян Федотович поднял кошель со стола и потряс им перед трактирщиком. Звон монет все больше манил несчастного.

– Тут на пять твоих трактиров хватит, – все больше заманивал трактирщика старшина. – Если не откажешь в помощи скит раскольничий отыскать, награжу. Народ к тебе разный ходит, может, слышал чего. Вино-то оно всем языки развязывает. А коль не слышал, то прислушаться не поленись. Разузнать надо, может, проводник имеется, чтоб через ваши леса провел прямо в логово раскольничье.

Трактирщик согласно кивнул и, громко шаркая по земляному полу, поплелся к себе в комору.

– Вот и хорошо, – старшина поднялся с табурета и расправил плечи.

Поправив поясной ремень, он, по привычке соблюдая опрятность формы, прищурился и посмотрел вслед уходящему трактирщику.

Деньги за предоставленный ужин Емельян Федотович оставил на столе, хотя остался крайне недоволен местной кухней, но одно успокаивало его душу: этот пройдоха найдет хоть самого черта, лишь бы получить условленный гонорар. Открыв двери, он ненадолго застыл в проеме, словно пытаясь вспомнить, что хотел сказать, но вскоре решительно шагнул за порог, громко захлопнув за собой дверь.

Через три дня вернулся гонец от воеводы с разрешением на экспедицию против раскольничего скита. При всей своей власти над здешним краем воевода не мог пойти против воли царевны. Трактирщик за три дня разузнал, что идти надо пятьдесят верст к деревне Матреново, далее вглубь леса двадцать верст, или семьдесят верст напрямик, вдоль берега реки.

Басаргин, оставшись довольным удачным стечением обстоятельств, распоряжался закупкой провизии на городском базаре. Десятки любопытных местных зевак следили за незнакомцем, настороженно наблюдая за каждым его движением. Любой из них мог в любой момент сорваться на лошадь и гнать во весь опор, чтобы предупредить скитников. Но Басаргин был человек не простой, ожидая подобную выходку со стороны здешнего люда, заранее выставил на северной дороге караул из стрельцов, а тех, кто появлялся на дороге без письменого распоряжения старшины, тут же останавливали и запирали под замок в одном из дворов.

Скит продолжал жить обычной жизнью. На песчаной отмели в берег уткнулись стволы сплавляемых по реке деревьев. Скитники, закинув вокруг стволов петлю, вытаскивали их на берег. Маленькая церквушка уже обросла десятью рядами бревен. Некоторые из стволов уже затащили на козлы и большой двуручной пилой распускали их на доски. Лики святых для нового храма Дионисий тайком привез из Хлынова.

Пока церковь не достроили, богослужения проводили в избе раскольника Мирона.

Выстроенная из цельных бревен изба была достаточно просторна, а махонькие узкие оконца, напоминавшие бойницы, придавали избе вид неприступной крепости. Ружья у Мирона тоже имелись. Три кремниевых ружья были бережно завернуты в тряпицу и уложены на узкой полочке, под самым потолком, надежно скрытые от посторонних глаз. Старец Дионисий хоть

и частенько захаживал в избу к Мирону, но об оружии не знал. Неизвесто было и то, что в сапоге у Мирона всегда имелся нож ручной работы. Закончив работу, скитники сели отдыхать тут же на берегу среди бревен. Легкий летний ветерок нежно касался разгоряченных от работы тел, ласково убаюкивая их обладателей. Мужики, пригревшись и разомлевши на солнышке, стали зевать.

Дружина Басаргина все больше и больше погружалась в глубь лесной чащи. Красные стрелецкие шапки было приказано снять, чтобы не спугнуть скитников. Добравшись до места, стрельцы окружили скит со всех сторон, надежно укрывшись среди кустов и деревьев. Все ожидали момента, когда старец Дионисий, наговорившись с мужиками, пойдет в свою избу, где его тихонько прихватят молодцы Басаргина. Но старец никуда не спешил, продолжая давать наставления своим ученикам. Что говорил старик, расслышать было невозможно, так как расстояние значительно отделяло стрельцов от скитников; старец то указывал перстом в небо, то грозил мужикам, сидящим на вытащенных из реки бревнах. Легкий ветерок доносил обрывки фраз, в которых говорилось о покаянии, адском пламени и чертях болотных.

– Какой же упертый старикан мне попался. Другие старцы пошли вслед за новой верой да остальной народ на путь истинный направляют. А этот мало того что сбег, так еще и скит свой обустроил, – лежа в засаде, рассуждал Емельян Федотович. – Зачем только он патриарху нужен. Забот на Руси мало, что ли? Переловить бы всех, да в кандалах на каторгу.

Тем временем скитники потянулись в избу Мирона.

– Чертово отродие, – выругался про себя Басаргин. – Ей-богу, шабаш затеяли. А ну, ребята, бери их всех.

Он махнул рукой, и к той же избе устремились десятки стрельцов. Из маленького окошка раздался выстрел пищали.

– Ну, чего разлеглись! – злобно крикнул Басаргин. Стрельцы поднялись и бросились к срубу. Дверь была крепко заперта. За ней слышались ругань мужиков и завывания баб и детишек. Вскоре через маленькие окошки прорезались еле заметные струйки дыма, которые быстро нарастали и вскоре превратились в клубы едкого сизого дыма.

– Горят! – крикнул один из стрельцов старшине.

Басаргин отскочил от сруба. Дым становился гуще, и уже прорывался сквозь крышу огонь.

– А ну, ребята, ломай двери.

Старшина тут же бросился к двери в надежде сбить ее с петель. Двое стрельцов прибыли ему на помощь. Но дверь, сколоченная из крепких досок, не поддавалась.

– Емельян Федотыч! – к старшине подскочил коренастый стрелец по прозвищу Дерюга.

– Ну, чего тебе, – огрызнулся Басаргин, продолжая попытки выбить плечом крепко запертую дверь.

– С крыши надо доски сбивать, может, кого спасти успеем, – отдышавшись от едкого дыма, заключил Дерюга.

– Ну, давай, коли можешь, – кивнул старшина.

Дерюга, воспользовавшись плечами своих сослуживцев, вмиг очутился на уровне и начал срывать еще свободный от огня дерн. Его примеру последовали еще несколько стрельцов, но их попытка не увенчалась успехом. Пламя усилилось и яркими языками вырывалось из махоньких окон-бойниц. Бабы и дети заревели сильнее. Стрельцы усилили натиск. Десяток из них уже тащили с берега реки обтесанное бревно. После трех ударов дверь все же поддалась и с хрустом выпала внутрь помещения. Стрельцы ворвались в сруб, вытаскивая обгоревших ревущих баб и детей. Внутри сруба прозвучали выстрелы и послышались душераздирающие вопли. В дальнем углу уже бился в адской агонии Мирон, пытаясь сбить огонь с одежы. Дерюга с десятком стрельцов успели вынести из огня еле живого Мирона и принялись тушить огонь, уже затронувший его кожу. Вслед за ним стали вытаскивать остальных скитников, стараясь спасти всех.

Последним выводили Дионисия. Старик сопротивлялся, кричал, пытался упереться ногами в землю, чтобы сдержать напор стрельцов.

– Врезать бы ему хорошенько! – крикнул Дерюга.

– Постой! – остановил его Басаргин. – Царевна приказала доставить его без телесных повреждений.

Дерюга кивнул и заломил старцу руки.

– Связать-то надо? – подмигнул он старшине.

– Вяжи! – улыбнулся старшина. – А то, неровен час, сбежит старик.

– Баб с детьми и мужиков куда определить? – спросил подошедший десятник.

– Гони в город, – усмехнулся Басаргин. – Пусть воевода сам наказание придумает.

Старшина посмотрел на согнанных с кучку скитников. Здоровые лбы, им бы служить, а не по лесам прятаться. Сдать бы всех в Разбойничий приказ, пусть там определят, куда работать отправить.

Глава 7
Встреча с Петром

Петр был зол, получив письмо от царевича Ивана, где было сказано, что Софья запрещает юному царевичу принимать шведское посольство в Москве, оставив свои корабли без присмотра. Петр был вне себя от ярости. В просторной горнице раздавались крики царевича и звук бьющейся посуды, дворовые мужики скулили от боли, получив нагоняя от Петра, а дворовые девушки с криками разбегались в разные стороны. Даже Алексашка Меншиков, преданный слуга юного царевича, забился в угол и молчаливо наблюдал за погромом, боясь проронить слово. Наконец Петр успокоился и сел за стол. Меншиков закусил кулак и, перекрестившись, выдохнул, понимая, что буря закончилась. Он осторожно выглянул из-за печи. Петр сидел, подперев подбородок правой рукой, и смотрел в окно.

В дверь раздался тихий, робкий стук, и показалась фигура Франца.

– Питер, я могу заходить?

Петр повернул голову в его сторону и поманил его рукой. Лефорт, осторожно ступая по половицам, подошел к столу и сел рядом с царевичем.

Он тихо положил руку ему на плечо и негромко произнес:

– Поезжай в Москву, Питер. Шведы приехали не к царевне Софье. Они хотят посмотреть на молодого царевича, который строит корабли. Никто без их дозволения и науки не мог позволить себе такую роскошь, Питер.

Услышав слова Лефорта, Петр лишь похлопал его по плечу, но в его глазах уже не было злобы, ничто больше не мешало принять царевичу верное решение.

– Алексашка, подавай карету, – резко крикнул он Меншикову. – В Москву едем.

– Мин херц.

Меншиков подскочил к царю:

– А как же царевна?

Петр встал:

– Я царевич и брат мой Иван. А с послами государственные дела решать не бабье дело. Собирайтесь! Франц, – Петр взял Лефорта за руку. – Поедем со мной. Шведы зело хитры, неспроста в Москву приехали.

Лефорт с удовольствием согласился:

– Немного минут, ваше величество.

Карета юного царевича ехала по ухабам и рытвинам Ярославской дороги. В карете сидели трое. Царевич Петр, Меншиков и Лефорт.

– Состояние вашего брата совсем плохо.

Лефорт покосился на Меншикова.

– Ваш друг Александр заметил, что в подписи царевича Ивана вновь пляшут буквы, очевидно, это обострение. Вы должны как можно быстрее взять правление в свои руки.

Меншиков подмигнул Петру:

– Вот видишь, мин херц, ваша матушка права. Нужно жениться.

– И ты об этом! – вскипел Петр и с прищуром посмотрел на Меншикова.

Алексашка поднял руки к груди:

– Молчу, мин херц, но видит бог, о державе заботимся.

– Знаю, – буркнул Петр. – Сестрица сама править хочет.

Карету тряхнуло.

– Дороги у нас никуда не годятся, мин херц, – с сожалением произнес Меншиков.

– Это правда, Петер. Очень плохие дороги, – подтвердил Лефорт, ухватившись за ушибленный недавно бок.

– Если мы дороги строить начнем, то денег на флот не останется, – Петр выглянул в окно. – Скоро Москва уже. Потерпите. Чтоб дороги как в Швеции и Ливонии строить, много камня надо, – усмехнулся Петр. – Да что там Швеция, земелька манеханькая, словно вошь. Правда, армией и флотом похвастать могут.

– И у нас такие будут, мин херц, а коль сам править будешь, и деньги найдутся, – подзадорил царевича Меншиков. – Хочешь, у бояр забери, а хочешь, заводы новые ставь. Все твоей воле подвластно будет.

Петр улыбнулся:

– Хорошо бы, Алексашка. Такую державу построим. Шведам нос утрем.

Лефорт слушал и лишь качал головой, словно утверждая, что этот человек сможет все. Построит верфи и фактории, а тесно ему станет на Руси – к морю пойдет. Шведы предвидели это и не зря посольство отправили. По их мнению, лучшим правителем для Московии была бы царевна Софья, хранительница старого заскорузлого образа жизни, дремучего народа и алчных бояр. Петр же полная противоположность. Скорее всего, шведский король тайно поддержал притязания Софьи на московский престол. Европе не нужен был Петр, он для них представлял огромную опасность.

Вдали показались стены Белого города и слободок.

Покосившиеся крыши посадских изб и грязь на улицах навевали на Петра дурное настроение.

– Не хочу в Москве царствовать! – неожиданно для всех произнес Петр.

Меншиков и Лефорт открыли рты от изумления.

– Новый город поставлю. Краше Москвы будет, дороги из камня построю, да дворцы, как в Европе, золоченые, да с фонтанами.

Меншиков отмахнулся от слов Петра:

– Эко ты, мин херц, замахнулся. Чем же тебе Москва не угодила?

– Замшелая она какая-то, – громко произнес Петр. – Паутиной поросла. Нет тут свежего воздуха.

Лефорт лишь кивал головой, соглашаясь с царем.

Ему и самому не нравился тесный, приземистый городишко.

Столица должна быть как фрегат, как паруса на корабле. Свободная, чистая и в то же время мощная, как пушки на галеоне.

– Все так, мин херц, – согласился Меншиков. – Где же такие деньжищи возьмем?

– На Урале, в Сибири, ну и бояр наших потрясем немного, – усмехнулся Петр. – Хватит жировать да мошну за счет государства набивать.

Карета въехала в Кремль через Спасские ворота.

Софья встретила брата холодно. Нет, она не была надменной и холодной, она решила на время отстраниться от борьбы за трон. За ее спиной жался к стене думский боярин Шакловитый, которого Петр считал чуть ли не самой большой проблемой к своему полному воцарению. Шакловитый, завидев юного царевича, заскрипел зубами, но поклонился, как требовал этикет.

Князь Голицын хоть и не радовался встрече, но решил не накалять обстановку, проявив интерес к постройке флота и справившись о нужде Петра в денежных средствах.

Между Петром и Софьей уже не ощущалось вражды, но в глубине души царевне все же была неприятна эта встреча. Несмотря ни на что, Софья с родственной теплотой обняла юного царевича.

Петр шел широким шагом по расписным залам родового гнезда, вспоминая свое беззаботное детство и покойного папеньку, следом за ним и Софьей шоркали каблуками сапог Голицын и Шакловитый.

Лефорт и Меншиков семенили чуть поодаль.

– Слышала Петруша, ты корабли строишь? – невзначай спросила царевна. – И в имении своем крепость возвел. От кого обороняться собрался? Ты же будущий царь.

Петр поморщился:

– Нет боязни никакой, сестрица. А крепость эта, Престбург, для обучения солдат выстроена.

На лице Софьи показалось некое недопонимание:

– Так стрельцы наши осадным маневрам обучены.

– То стрельцы, сестрица, – отрезал Петр. – А я хочу новое войско и чтобы на судах и на земле воевать могло. Как в Европе.

Царевна удивленно посмотрела на Петра.

– А стоит ли нам, братец, за Европой стремиться? Чем наше русское государство плохо?

– С таким войском мы только с печью воевать сможем!

Услышав слова царевича, Шакловитый поморщился. Он понял, что Петр окончательно опустошит казну и, дай ему безграничную власть, возьмется за боярские вотчины. Шакловитый одернул Голицына за рукав.

Они поравнялись, и Федор Леонтьевич прошептал так, чтобы не слышали идущие позади Лефорт и Меншиков:

– Петр со своим флотом и потешными войсками совсем разорит нас.

Голицын утер платком нос и в ответ прошептал:

– Уже войска у царевича вовсе не потешные, и галера самая настоящая. Мне писано было с Преображенского, что войска Петруши еще и стрельцам фору дадут. Отменно стреляют и саблями владеют.

Шакловитый с сожалением покачал головой, затем остановился и, поднеся руку ко рту, задумчиво произнес:

– Но стрельцов-то, стрельцов, пожалуй, поболее будет, чем потешных, а, Василь Василич?

На него чуть не наткнулись Меншиков и Лефорт. Услышав разговор про стрельцов и потешные войска из уст Шакловитого, Меншиков обошел вокруг думского боярина и, приблизившись, прошептал ему прямо в лицо:

– Да, мало потешных полков, а мы еще наберем. А ты нам денег дашь. Сам дашь. Запомни.

Шакловитый отпрянул:

– Тьфу ты, черт безбородый, испугал. Не я решаю такие вопросы. Иди давай.

Он отстранил Меншикова со своего пути и устремился догонять царевну.

Глава 8
Возвращение в Москву

Крытый возок, в котором стрелецкий старшина Басаргин вез старца Дионисия, скрепя четырьмя ступицами, медленно тащился по Ярославской дороге. Стрельцы расположились на телегах и громко хохотали, рассказывая друг другу различные небылицы. Поднятая по дороге пыль оседала на посевах ржи, посреди которой стояли местные крестьяне и крестились вслед ускользающему черному возку.

Дионисий крестил их двуперстно, через маленькое грязное оконце, и тяжело вздыхал. Басаргин не препятствовал его еретическому занятию и смотрел в оконце на своей стороне.

Так проплывали деревни, поля, дворянские усадьбы. Косматые кучи облаков налились свинцовой тяжестью и готовы были пролиться дождем. Наконец созерцать дорожные пейзажи, то и дело мелькающие перед глазами, старшине надоело, и он повернул голову в сторону старца. Дионисий, прикрыв веки, шептал молитву, но какую именно, Басаргин не слышал, судя по шевелящимся губам, то ли «Отче наш», то ли что-то из Иоанна Златоуста.

– Слушай, старче, – подал голос стрелецкий старшина, – вот смотрю на тебя и не пойму, все у тебя было: и монастырь с полными амбарами, и братия, уважение и почет среди паствы, – чего ты в раскол ударился? Чего не хватало?

Дионисий открыл глаза и посмотрел на Басаргина. Его губы сомкнулись, а нос перестал сопеть.

– Глупый ты человек, хоть и старшина стрелецкий.

Глаза Басаргина округлились:

– Это чего так?

– А того, – продолжил старец, – до седых волос прожил, а правды так и не понял.

– Это чего же я не понял? – ухмыльнулся Басаргин.

Разговор со старцем начинал ему нравиться. Сейчас этот старик с нечесаными седыми волосами и грязной бородой начнет нести очередную ахинею о святости их учения, о великих старцах вроде Аввакума, геенне огненной, начнет пугать карами небесными.

– Да нет, не буду я тебя пугать карами Божьими, – спокойно и невозмутимо произнес Дионисий.

Басаргин выронил из рук кисет с табаком. Старик словно прочитал его мысли. Это было неслыханно.

«Может, потому он и понадобился царевне, чтобы замыслы тайные разгадывать? И патриарх о нем печется», – мелькнула шальная мысль в голове у Басаргина.

Дионисий улыбнулся:

– Думаешь о том, зачем я царевне понадобился?

Басаргин отложил трубку и табак в сторону и недоумевающим взглядом смотрел на старца.

– Ну, думал такое, а ты откуда знаешь?

Дионисий рассмеялся:

– Да ты не бойся, старшина, мыслей читать я не умею, не святой. Такой же грешник, как и ты да те стрельцы, что позади нас. А зачем я потребен патриарху, то и без иллюзий знамо.

– Выкладывай! – Басаргин взбодрился, тайны государственные были его страстью, ведь длительная служба в приказе в том и заключалась. В столице никогда не было тихо и спокойно.

Дионисий вздохнул и перекрестился.

– Знаю, что тайны любишь, только по себе ли ношу возьмешь?

– Говори, не тяни, – взвился Басаргин.

– Помирать мне скоро, так и унесу тайну в могилу, а она велика.

Басаргин нервно заерзал на сиденье.

«Темнит старик, зубы заговаривает. Не то что-то тут». Он выглянул в окно. Стрельцы ехали рядом и тихо беседовали между собой, предаваясь своим мечтам.

– Не хочу я с грузом таким помирать, тяготит он меня, – продолжил старец.

– Так и поделись, отче, не тяни, облегчи душу.

– История слишком долгая, – добавил Дионисий.

– Так и ехать еще далече.

Дионисий перевел взгляд на мелькающие худые крыши крестьянских лачуг.

– В год 1472-й княгиня София Палеолог, племянница императора Константина, при сватовстве своем за князя московского Ивана III помимо папского приданого привезла в Москву корону последнего базилевса. Корона та не от Бога, а от самого дьявола. В чьих руках корона эта, тот будет наделен властью великой над всем христианским миром.

– Вот те раз, – Басаргин нервно сглотнул слюну.

– Потому и собрал Иван княжества русские под руку одну, и иго татарское на Угре сбросил.

Басаргину рассказ старца был настолько интересен, что слушал его, затаив дыхание.

– С князем Иваном так и было. Корону эту князь передал наследникам своим, и попала она в руки царю Иоанну IV, что в народе Грозным величали, а так как на корону сам сатана заклятие свое наложил, то и лютовал царь Иоанн безбожно и умер в болезни своей. Годуновым тоже от короны сатанинской наказание пришло. Убили их. Во времена смуты корона Базилевса хранилась тайно в подвалах Кремля, а когда поляки и Лжедмитрий Кремль осадили, то и корона ему досталась, вот и сгинул он вместе с поляками от короны той.

Басаргин открыл рот от удивления.

Рассказ старца Дионисия настолько поразил Басаргина, что по его телу пробежали мурашки, а мелкие капли холодного пота покрыли лоб.

– Это сколько же душ корона эта погубила, отче? – задавая вопрос, Басаргин перекрестился. – А кто еще знает, отче? – старшина посмотрел Дионисию в глаза.

– Я, патриарх Иоаким, царевна знает, теперь и ты ведаешь.

– И где теперь эта корона? – глотая слюну, спросил старшина.

– А про то только я ведаю. Потому и послал тебя патриарх меня к нему привезти, чтобы тайну сию в могилу не унес. Да только не доеду я, – посетовал Дионисий. – Помру в дороге. Чую, скоро призовет меня Господь.

– Не чуди, отче, – Басаргин легонько хлопнул Дионисия по плечу. – Ты у нас старичок крепкий, доедешь.

Басаргина ужасала мысль о скорой кончине старца.

Черт с ней, это короной базилевса. Старик совсем умом двинулся на старости лет, вот и несет небылицы, а деревушка и звание стрелецкого полковника вполне могут от него упорхнуть, аки голубь сизый. И придется ему на старости лет довольствоваться тем, что царевна положила да Господь не отнял. За что сапоги топтал, за что душу людям на дознании выворачивал? Все прахом пойдет.

– Корона сейчас Чудову монастырю предана, в подвале, за иконостасом укрыта. Нельзя, чтобы она к людям попала, ибо зло великое и смерть несет за собой. С сатаной справиться сложно, лишь одному задача сия под силу будет. Только одного прошу, обещай мне, старшина, что предмет сей царевне Софье в руки не попадет, погубит она себя и братьев, а душу свою дьяволу посвятит да в войны долгие державу свою погрузит.

– Ну, отче, ты даешь! – Басаргин с ужасом внимал речам старца. – А зачем сейчас историю эту решил поведать, помер бы, и дело с концом, никакой сатана государей не погубит?

Дионисий возвел глаза к небу и произнес:

– Корона эта для истинного царя, что объединит все народы христианские и вернет Царьград в лоно христианского мира и очистит его от мирской скверны да слуг Магомедовых.

– Гляди-ка, – с легкой ухмылкой произнес Басаргин, – турки сильны, не одолеть их. Не один десяток лет с ними бьемся, все конца не видно.

– Придет истинный царь, он и закончит! – заключил Дионисий.

– Поживем, увидим, – усмехнулся старшина и отвернулся в сторону окна. Его терзало множество вопросов: зачем старец выбрал именно его, зачем открыл ему эту тайну?

Что он с ней делать будет? Рассказать об этом разговоре думскому дьяку Шакловатому или сразу идти к патриарху? А как изымет царевна корону сатанинскую да войну учинит? Так война и сейчас идет. Турки так и прут, как тараканы. Да и поляки никак не угомонятся. Возок еще раз скрипнул осями и остановился.

Кучер спрыгнул с козел и поспешил открыть дверцу кабинки:

– Вечереет, ваше благородие, надо бы на постой остановиться.

Басаргин сошел с возка и осмотрелся.

Возникшая перед ним деревушка не внушала доверия. Ветхие избы склонились на один бок, прогнив от старости, крыши на домах зияли черными дырами, как старый череп пустыми глазницами, вокруг царили запустение и нищета. Старик в стоптанных лаптях, сидя на деревянной скамье, заметил важного гостя недалеко от своего сирого жилища и сразу склонил голову в поклоне.

– Прошу прощения, старче, – произнес старшина и поманил крестьянина пальцем.

Старик тяжело поднялся и, прихрамывая, засеменил к Басаргину.

– Чьи будете? – спросил старшина.

– Дворянина Крутицкого, – буравя глазами землю, ответил старик.

– Плохо живете, ленивы или к алкоголю пристрастны?

Старик пожал плечами и тихо ответил:

– Нет, работы мы не боимся и к хмельным напиткам не пристрастны. Барин сильно лютует, житья не дает, поборами обобрал, вот и обнищали. Мы уж долго вдоволь не едим да хлеба не видим, хоть траву щипай.

Лицо Басаргина исказилось в злобной ухмылке:

– Найду барина вашего, шею намылю.

Старик отвесил земной поклон:

– Намыль, батюшка, намыль. Мы за тебя молиться будем.

Дионисий, слыша диалог Басаргина с крестьянином, улыбнулся и спустился с возка.

– Как зовут тебя? – спросил он у крестьянина.

– Зорькой кличут, – в ответ всплеснул руками старик.

– А по-христиански как?

– Николай, – усмехнулся крестьянин, – а Зорька – то прозвище. Потому что встаю на заре, пастухом я был.

– Ну, иди, Николай, благословлю тебя, – молвил Дионисий.

Зорька подскочил к старцу и склонил голову.

– Христос посреди нас! – Дионисий наложил крестное знамение и протянул руку.

– Есть и будет! – отозвался Зорька, лобзая руку Дионисия.

– Где можно остановиться на постой? – спросил старшина.

Крестьянин поднял глаза:

– Через три версты дом мельника. Добротный, большой дом, всем места хватит.

Басаргин достал из кошеля мелкую монету и протянул ее старику:

– Возьми за помощь. Барина твоего я разыщу и накажу. Пойдем, отче, – Басаргин развернулся и зашагал к возку. – Надобно до темна успеть.

Ночь в доме мельника прошла беспокойно. Басаргин несколько раз просыпался в холодном поту. Снился ему и одноглазый мужик-раскольник Сапыга, и везде сующий свой нос боярин Широковатый, но последний сон, что приснился под утро, никак не выходил у него из головы. Снилось ему, будто оказался он в огромном храме, расписанном фресками невероятной красоты. С купола, уносившегося под самые небеса, исходил божественный свет в виде трех золотых лучей. У алтаря, преклонив колено, стоял человек в золоченой мантии на плечах. В руках он держал корону, усыпанную сапфирами и бриллиантами изумительной красоты, и хотя человек в мантии был далеко от старшины, Басаргин отчетливо видел четкую огранку каждого камня, украшавшего корону.

Человек в мантии совершенно не замечал присутствия постороннего, он обращался к Богу, и чем громче произносились слова молитвы, тем ярче становилось свечение лучей. Вскоре золотистый свет залил все пространство храма. Басаргин прислушался, где-то издалека, вероятно с улицы, доносились крики сражения, нечеловеческие вопли раненых и горькие стенания вдов, хоронивших своих мужей.

Басаргин сделал шаг к алтарю, но человек не оборачивался, будто рядом и не было никого. Сделав еще шаг, он отчетливо услышал слова молитвы и диалога. Человек в мантии с кем-то беседовал. Басаргин никак не мог распознать голоса собеседников. Первый обещал человеку спасение и избавление от позора в обмен на его душу, и звучал он весьма неприятно; второй предостерегал человека, указывая на последствия договора. Человек в мантии колебался, он понимал, что, согласившись с условиями, он спасет свой город, но погубит свою бессмертную душу.

– Базилевс! – в храм вошел человек в доспехах. – Турки взяли восточную стену, они уже прорвались в город.

Император поднял руку:

– Где они сейчас?

– У цирка Флавия.

– Ступай, я скоро приду.

Человек в доспехах поклонился и выбежал из храма.

Басаргин наблюдал за картиной со стороны, словно смотрел представление в театре. Только теперь это был театр теней.

– Самаэль! – тяжело произнес человек. – Я согласен.

Корона в руках базилевса засветилась.

– Отныне, в чьих руках будет сей венец, тот получит власть над всем миром.

Фрески на стенах закружились в каком-то неведомом хороводе, святые протянули друг другу руки, послышалась какая-то небесная какофония. Звуки раздавались со всех сторон, соединялись в одно целое и невыносимо резали слух.

Басаргин проснулся. Сон был настолько отчетлив, что старшина не усомнился в его реальности. Басаргин свесил ноги с деревянной кровати и перекрестился, глядя на киот.

– А ведь, пожалуй, лукавый обманул императора, – прошептал старшина. Турки захватили Константинополь, сделали его своей столицей.

Стоит ли поведать о сне Дионисию? Старец спал в соседней комнате, стрельцы расположились во дворе на сеновале. Басаргин встал с кровати и босиком подошел к кадушке с водой. Запустив в нее деревянный ковш, прежде чем испить, старшина перекрестил воду и сделал несколько глотков. Во дворе надрывались петухи, предвещая наступление утра. За плетеной оградой весело хрюкали свиньи, пожирая свою кашу, намешанную из перемолотых зерен и отрубей.

– Нужно разбудить старца, иначе до конца седмицы не управимся.

Тихонько отворив двери в комнату старца, Басаргин удивился тишине, стоящей вокруг. Дионисий неподвижно лежал на спине, свесив с кровати руку. Подойдя ближе, старшина взгля-

нул на старца, умиротворение и спокойствие отразилось на его лице, а на губах застыла легкая улыбка. Тело старика не подавало признаков жизни. Басаргин положил руку ему на лоб и сокрушенно покачал головой.

– Не довез, – тяжело выдохнул он. – Ушел старец к Богу.

Туда же уходили и его деревенька, и звание полковника.

Но осталась тайна, что успел передать ему Дионисий. Это, пожалуй, стоит не одну деревеньку и звание полковника. Тут на вотчину и боярское звание похоже.

Но старец предупреждал, что не должна корона оказаться в царских руках. А может, и нет никакой короны? Тогда как же сон? Ведь он явственно видел и храм, и базилевса, и корону.

В дверь постучал кучер:

– Пора, ваше благородие.

– Обожди, – крикнул старшина. – Зови сюда стрельцов. Дионисий отошел.

Кучер испуганно взглянул на Басаргина и исчез, медленно закрывая дверь.

– Нужно похоронить, где укажет патриарх! – старшина протянул стрельцу записку. – Повезешь тело на подводе. Поторапливайся.

– А как же вы, ваше благородие? – сделал непонимающее лицо стрелец.

– А я оставлю пару стрельцов, сам доберусь как-нибудь, – с тоской в голосе, еле слышно произнес старшина.

Басаргин смотрел вслед удаляющейся по пыльной дороге подводе, увозящей тело старца, и мысленно прощался с Дионисием.

Глава 9
Венец Базилевса

На линии фронта гулко грохотали снаряды. По позициям немцев бил шестой артиллерийский дивизион, в кратчайшие сроки передислоцированный с Дальнего Востока.

По разбитой бомбежками дороге медленно шла колонна из шести броневиков и двух легковых «Хорьхов».

Заубер Люггер, полковник СС из отдела «Аненербе», сидел на заднем сиденье автомобиля, подняв меховой воротник офицерской шинели.

Командировка из Берлина в грязную, холодную Россию не доставляла ему никакого удовольствия. Шла война, самая жестокая и продолжительная во всей истории. Люггер понимал, что это путешествие может сыграть фатальную роль в его жизни, но приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера обсуждать не положено. Ему пришлось следовать чувству долга каждого немца в это неспокойное время.

Холодный сентябрьский дождь превратил эти дороги в месиво грязи, осколков и человеческой крови, а пронизывающий ветер грозился добраться до костей. «Хорьх» скрипел, словно кривые половицы. Переваливался колесами из одной ямы в другую. На головной машине дали сигнал остановки.

Линия фронта русской армии отступила на десять километров, и теперь эта территория принадлежала рейху, по крайней мере так считал Заубер Люггер. Что же считали рядовые солдаты, сгрудившиеся в крытых грузовиках, его совершенно не интересовало. Их долг – завоевывать победу для великой Германии, а его долг – собирать артефакты, незаконно находящиеся на захваченной территории. Таково было мышление этого эсэсовца, везущего в своем черном кожаном портфеле от руки нарисованную карту.

– Господин офицер! – к машине подбежал фельдфебель. – Впереди партизаны.

Люггер опустил стекло. Холодный ветер ворвался в окно.

– Отправьте в разведку роту солдат и освободите проезд.

Фельдфебель взял под козырек и умчался к машинам.

Солдаты выпрыгивали из кузова и выстраивались в шеренгу, раздался хриплый лай овчарок. Цепь немецких солдат, ощетинившись стволами автоматов, двинулась вперед.

Люггер махнул рукой помощнику:

– Пусть радист свяжется со штабом, мне нужно два юнкерса для поддержки.

Вскоре над разбитой дорогой показались пикировщики и ушли вслед за цепью.

Солдаты возвращались усталые, но довольные, потерь не было.

– Мы загнали партизан в болото, господин полковник. Самолеты сбросили бомбы впереди нас. Путь свободен, – отрапортовал фельдфебель.

– Гуд! – полковник удовлетворенно кивнул.

Колонна миновала сожженную деревушку, от которой остались лишь кирпичные остовы печей да дымящиеся головешки. Скрипя, забралась на пригорок и миновала небольшую рощу.

– Господин полковник, наше путешествие проходит на минорной ноте, – водитель «Хорьха» улыбнулся в зеркало заднего вида.

– Рано радуетесь, Груммер, – оборвал его Люггер. – Эта варварская страна еще преподнесет нам сюрпризы.

В подтверждение его слов из подлеска выкатился русский танк Т-34 и развернул орудие на колонну. Машины резко затормозили. Но было поздно, гулкий выстрел превратил грузовик в пылающую груду металлолома. Машины дернулись и дали задний ход, но горящий грузовик и

выпрыгивающие, объятые пламенем солдаты преградили им путь. Оставалось только двигаться вперед. Заубер хлопнул водителя по плечу.

– Гони, – приказал Люггер.

Машина взревела двигателем и рванула по грязной дороге, оставляя за собой остановившуюся колонну.

– Проклятые русские! – выругался Люггер. – Они знают свое дело. Гитлер говорил, что русские не умеют воевать, мы раздавим их, как котят. Лучше бы этот ефрейтор оставался в своей Вене и рисовал картины, – рассуждал полковник, глядя на разбитые военные дороги.

Водитель испуганно посмотрел на своего шефа, откровенность Люггера настораживала его.

– Да-да, Груммер, оставался бы в своей Вене, – повторил Люггер. – Мы воюем уже два года, и все больше погружаемся в эту трясину. Это не Австрия, Груммер. Это Россия, а она бесконечна. Война с ней высасывает все соки из нашей Германии. Мой дед, кадровый прусский офицер, сложил голову в ее бескрайних снегах. Я не хочу повторить его судьбу. Я хочу вернуться в Тюрингию и встретить старость, слушая, как звенит по вечерам колокол на лютеранской кирхе.

Люггер замолчал. Кажется, он выплеснул все, что накопилось у него в душе с того момента, как его самолет пересек границу России.

«Хорьх» притормозил на пригорке. Люггер вышел из автомобиля и достал бинокль. Русский танк был уничтожен, и колонна двинулась догонять «Хорьх».

– Вы всерьез полагаете, господин полковник, – продолжил водитель, – что нам нужно убираться отсюда.

– Да, Груммер! – вскипел Люггер. – И как можно скорее. После выполнения задания ни секунды не задержусь в этой варварской стране.

– Господин полковник, я понимаю, что не имею права спрашивать вас о цели нашего визита в Россию. Но если уж придется сложить голову, то хотелось бы знать, ради чего мы приехали сюда, кроме интересов Германии.

Люггер осторожно посмотрел на своего водителя. Обычно Груммер не задавал таких вопросов.

– Скажу, Груммер, тебе скажу! – неожиданно для себя выпалил Люггер. – Речь идет об одном старинном и магическом предмете. В штабе рейхсфюрера его называют Венцом Базилевса. Это корона последнего византийского императора Константина. Он заключил сделку с дьяволом, и тот наделил эту корону великим могуществом. Венский художник ошибочно предполагает, что венец поможет ему закончить победой войну с Советами и сломить Британию и Америку. Иногда его желания больше похожи на желания шизофреника, чем вождя великой нации.

Груммер пожал плечами. Он не знал, что ответить. Некоторых приказов фюрера он, как и его босс, не понимал.

Но сейчас это было неважно. Они в России. Груммер, как верный пес, следовал за своим хозяином всюду, в какой бы дыре ни оказался господин Люггер. Он никогда не подводил своего начальника, что и произошло в этот раз. Колонна подъехала к «Хорьху». Из кабины грузовика вновь выскочил тот самый грузный фельдфебель и замер у машины Люггера.

– Какие будут приказания, господин полковник? – отчеканил он, глядя в глаза Люггеру.

В этом молодом человеке сразу было видно строгую офицерскую выправку и страсть к строевой технике.

Люггер с удовольствием посмотрел на столь достойного Великого рейха солдата, вытянувшегося по стойке смирно, и дал указание:

– Фельдфебель, чтобы больше в дороге не произошло подобных инцидентов, крайне рекомендую вам выслать двух мотоциклистов впереди колонны. Пусть они встанут у ворот монастыря и проведут разведку. Затем вернутся и доложат по форме.

Фельдфебель взял под козырек и, чвакая по русской грязи сапогами, помчался к грузовикам. Через минуту в сторону монастыря покатили два мотоцикла с установленными на колясках пулеметами MG 30.

Их каски раскачивались в разные стороны, словно в ритм какой-то веселой песенки, что говорило о качестве русских дорог.

– А русские знают об этой короне? – осторожно спросил Груммер.

– Сейчас вряд ли. В одно время при императоре Павле в России существовали масоны, они-то и упрятали корону в монастырь. Эту карту, что у меня в портфеле, мы изъяли у одного из их потомков в Кракове. Наш агент из Польского Сопротивления донес, что в центральной библиотеке города по ночам проводит тайные собрания неизвестная подпольная организация. Руководит ночной оргией бывший польский офицер Радзиховский. Гестапо нагрянуло туда ночью, к счастью, взяли всех, а также нашли много интересных материалов, полезных для Великого рейха. Они связались с руководителями «Аненербе», чтобы доставить все в Берлин, а наши специалисты, в свою очередь, выяснили некоторые, весьма любопытные сведения. Таким образом, Груммер, руководить операцией «Венец Базилевса» поручили мне.

– А если ее там нет? – спросил Груммер.

– Если нет, значит, Гиммлеру нужно лучше работать со своими людьми, – с усмешкой добавил Люггер. – Но то, о чем мы сейчас говорим, должно остаться между нами, мой друг.

Груммер молча кивнул, согласившись с полковником Люггером, ведь проблемы шефа автоматически становятся и его проблемами.

За передвижением немецкой колонны пристально следила в бинокль группа людей в разномастной одежде. Кто-то был одет в ватник, кто-то в старую потертую шинель, но у каждого из них на головном уборе была пришита красная полоска из ткани. Партизанский отряд, вооруженный добытыми в бою автоматами и ружьями, был наспех сформирован из окруженцев и местных добровольцев, способных взять оружие в руки. Связаться с головной частью Красной армии было весьма сложно, но некоторые приказы отряд уже мог получать через изредка применяемую рацию. Линия фронта неизбежно откатывалась на восток.

Капитан Басаргин, некогда бывший строевым офицером РККА, сейчас командовал этим небольшим партизанским отрядом на Ржевском выступе, где шли кровопролитные бои. Немцы рвались к Москве, но появление полковника СС на территории проводимых боевых действий заинтересовало контрразведку.

По сведениям агентуры, полковник Люггер прибыл в Россию с секретным заданием «Аненербе».

Задача командования была предельно простой: любой ценой выяснить истинную цель присланного из оккультного ведомства фашистской Германии Заубера Люггера. Тем временем разведрота, прочесав территорию монастыря, вернулась к немецкой колонне, сообщив о ее безопасности. Благодаря вражеской разведке, Басаргин выяснил, куда именно направляется Люггер, и принял решение окружить полуразрушенные стены древнего монастыря. Партизанский отряд тут же занял позиции вблизи предполагаемого объекта в ожидании немецкой колонны.

Немецкие автоматчики быстро разошлись по монастырскому двору, не замечая следящих за ними партизан. С найденных уцелевших досок и камней наспех соорудили несколько лавочек и расположились на отдых.

Люггер снял кожаные перчатки и, открыв дверку автомобиля, медленно вышел из машины. Окинул взглядом близлежащую территорию монастыря, и ему стало жутко от представшей перед глазами картины: из глубины таинственной тьмы немым укором взирали купола соборов и покосившиеся на них кресты. В некоторых местах железо на крышах было пробито

снарядами и, ощетинившись, словно дикие псы, устремило свои клыки-осколки в темную бездну небес; вокруг стояла мертвая тишина, которая сводила полковника с ума.

– Жутковатое местечко, – произнес он, глядя на осыпавшуюся штукатурку стен монастыря.

Люггер достал из портфеля свернутый лист бумаги.

– Судя по карте, артефакт должен находиться в левом крыле храма.

– Здесь сплошной лабиринт, как мы найдем нужное место? – недоуменно добавил Груммер. – Куда нам идти в первую очередь, господин полковник?

– Начнем по очереди, – произнес Люггер и направился к самому большому храму при монастыре.

Следом за ним устремились Груммер и два автоматчика.

– Идите вперед. Груммер, за мной, – отдал команду Люггер и шагнул в пугающую своей таинственностью и темнотой бездну.

Полковник Люггер и его водитель распахнули кованные железом двери храма Святого Георгия.

– Как это символично, Груммер, что Венец Базилевса может храниться в храме Святого Георгия, – обратился Люггер к своему напарнику, но Груммер молчал, очарованный невероятной красотой древних фресок.

– Это невероятно, господин полковник, – выдохнул он. – Непонятно, как варвары могли создать такую красоту. Вероятно, это место окутано какой-то магией.

– Хватит нести чушь, Груммер, вы как Геббельс, верите в любую русскую легенду, неужели два года войны ничему вас не научили. Здесь нет ничего магического.

Внезапно полковник Люггер остановился и устремил взгляд к иконостасу.

– Это невероятно, друг мой. Кажется, мы нашли наш клад, – с невероятной радостью в голосе воскликнул Заубер Люггер.

– Откуда вы знаете, господин полковник?

– Смотри, на карте обозначен крест, а рядом с ним пламя, – Люггер провел рукой по иконе: – Вот оно пламя. Изображение адского огня. А вот и крест.

Рядом на стене была фреска с распятием.

– Еще копье! Должно быть копье, Груммер. На карте было копье, – Люггер с нетерпением оглядывался вокруг себя, пытаясь найти фреску с изображением копья.

Груммер последовал примеру своего шефа.

Наконец он разочарованно опустил руки:

– Нет, этого не может быть. Неужели мы ошиблись? Не может быть. Нет.

Люггер вернулся обратно к двери.

– Копье, копье, – проговаривал он про себя. – Копье! – неожиданно воскликнул он. – Святой Георгий, это он, Грум-мер, как же я сразу не догадался.

Люггер устремился к иконостасу, с полузатертой фрески на него смотрел святой Георгий Победоносец с копьем в руке. Оно указывало в сторону небольшой дубовой двери, украшенной резными вензелями.

– Груммер, идите сюда, кажется, я нашел вход в подвал. Это точно здесь.

Ошарашенный приятной новостью Груммер сию же минуту подошел к своему начальнику, но, осмотрев дверь, печально заявил:

– Господин Люггер, но здесь же нет ни замка, ни ручки. Как же мы ее откроем?

Люггер отошел в сторону, пытаясь найти что-то похожее на ключ.

– Мой друг, древние люди были гораздо умнее нас с вами. Они защищали свою культуру, скрывая главное под тайными замками.

Люггер внимательно рассматривал стену, прилегающую к двери, ощупывая каждый квадратный сантиметр. Его рука медленно сползала вдоль стены, пока не достигла маленького дере-

вянного квадрата с изображением льва. Внезапно деревянный квадрат начал утопать в небольшом проеме стены и вскоре скрылся в глубине отверстия. Раздался грохот открывающейся двери, и перед ними открылся вход в подвал монастыря.

– Включите фонарь, Груммер, – недоуменно и с некоторым опасением произнес Люггер. – Нам сюда.

Полковник указал в сторону зияющей темноты, пропуская вперед двух солдат, они зажгли фонари и стали медленно спускаться по каменной лестнице вниз. Яркие лучи горящих фонарей скользили по старым стенам подземелья, выхватывая из темноты очертания библейских героев и ликов святых. Наконец они вошли в небольшую комнату, заставленную различной церковной утварью.

– Спускайтесь сюда, господин полковник! – крикнул один из них. – Здесь безопасно.

– Светите, Груммер! – скомандовал Люггер и стал спускаться вслед за солдатами.

Оказавшись за спинами солдат, Люггер осмотрел открывшееся перед ним помещение.

– Здесь, господин полковник, – один из солдат навел луч фонаря на небольшой ларец со старинным резным замком. Ларец находился в нише, заключенный под толстыми прутьями кованой решетки.

– Попробуйте сбить ее, – приказал Люггер.

В подземелье раздался глухой, но в то же время весьма ощутимый звук удара, который отражался эхом по всем коридорам этого жуткого местечка.

– Не выходит, господин полковник, эта решетка просто вросла в камень.

– Может, гранатой? – предложил Груммер.

Полковник молчаливо кивнул.

– Идите наверх, – приказал он солдатам. – Сам все сделаю. Оставьте мне пару гранат.

Солдаты поспешили обратно. Люггер привязал гранаты по бокам решетки и протянул веревку через кольца.

– Поднимайтесь, Груммер, – произнес он, тяжело дыша, – или вы хотите быть похороненным в этом каменном мешке?

Груммер быстро поднялся по каменным ступеням подземелья, оставив полковника один на один с непонятным ларцом.

– Ну что, дружок, – Люггер провел ладонью по поверхности решетки. – Какие тайны ты от нас хранишь? Настало время поделиться своим секретом!

Полковник спешно распутывал веревку и в то же время поднимался наверх. Выйдя из подвала, он приказал всем лечь на каменный пол и дернул за веревку. От взрывной волны иконостас, как Везувий, извергал осколки дерева и камня, осыпая ими застывших на полу немцев. Когда пыль, поднятая взрывом, осела, Люггер отправил за содержимым одного из солдат.

В подземелье царила полная тишина, Люггер внимательно наблюдал за удаляющейся спиной солдата, ожидая его скорого возвращения, как вдруг из недр подвала раздался душераздирающий крик. В груди Люггера похолодело.

– Что это было? – испуганно спросил Груммер.

Полковник в недоумении покачал головой.

– Ганс, проверьте, что там!

Солдат тут же подбежал ко входу в подземелье и в ужасе отпрянул в сторону, прямо на него надвигалась странная фигура и тут же исчезла, словно растворилась в пробивающихся лучах восходящего солнца.

Груммер, дрожа от страха, еще несколько минут не мог открыть глаза и лишь тихо поскуливал, вслушиваясь в исчезающее эхо неизвестного существа.

– Успокойтесь, дружок, уже все закончилось, – приговаривал полковник, стараясь привести в чувство своего попутчика.

Ганс, стоящий недалеко от входа в подвал, застыл в стойке, готовый в любой момент открыть автоматную очередь по таинственной цели.

– Отставить! – приказал Люггер. – Я сам спущусь вниз. Груммер, дайте мне ваш фонарь.

Груммер испуганно разжал ладонь. Полковник спустился вниз и поднялся с небольшим сундуком.

– Вот цель нашей командировки в Россию, Груммер, – ухмыляясь, произнес Люггер. – Она здесь.

– Уж не думаете ли вы, господин полковник, что такое сокровище находится в этом сундуке? – с недоверием произнес Груммер.

Полковник осуждающе посмотрел на него:

– Я видел артефакты, завернутые в обычное тряпье, но они не теряли от этого своей значимости.

Откинув крышку ларца, Люггер несколько минут сидел без движения, не издавая ни звука. Груммер приблизился к полковнику и заглянул в сундук. Его веки судорожно задрожали, а глаза наполняли капельки слез, медленно стекающие по щекам.

Корона базилевса горела разноцветными каменьями, играя солнечными зайчиками в ярких лучах, которые пробивались сквозь дырявые монастырские своды. Люггеру казалось, что венец излучает какое-то неведомое тепло, его охватило непреодолимое желание взять корону в руки и водрузить на чело.

– Господин полковник, – Груммер лихорадочно тряс подполковника за плечо, – очнитесь, господин полковник.

– Закройте крышку, Груммер. Мне кажется, что этот венец порабощает мой разум.

Груммер тотчас закрыл ларец и направился к выходу.

Люггер достал белый платок и вытер испарину на лбу.

– Закройте ларец в машине, – дал он указание водителю.

Партизаны, засевшие вблизи полуразрушенных стен монастыря, молча переглядывались между собой, гадая, что так долго делает немецкий полковник в храме. Зачем он вообще сюда приехал. Автоматчики прогуливались по монастырскому подворью, насвистывая старинную австрийскую песенку про Августина.

Двери храма открылись, и показалась фигура водителя с сундуком в руках. Лицо Груммера светилось от счастья.

Фельдфебель, заметив его, тут же подскочил к Груммеру с вопросом:

– Где полковник?

Груммер кивнул в сторону здания и, открыв дверцу машины, бережно расположил ларец на заднем сиденье.

Басаргин махнул своим людям рукой. По немцам ударили пулеметные очереди, перекапывая пожелтевшую траву на монастырском подворье. Немецкие автоматчики отстреливались им в ответ. Груммер бросился к кабине «Хорьха». В дверном проеме храма показалась фигура Люггера с парабеллумом в руке.

«Хорьх» взревел и рванул к храму. Люггер, сделав несколько выстрелов, успел запрыгнуть в автомобиль.

– Вперед! – скомандовал он. – Нам здесь больше нечего делать, этим болванам ничего нельзя доверить.

Длинная автоматная очередь прошила крышу кабины автомобиля, удаляющегося от монастыря; «Хорьх» стремительно несся по ухабистой дороге, увозя немецкого полковника и Венец Базилевса. Сквозь открытое окно Люггер увидел, как сквозь плотную пелену облаков к монастырю устремились две пары юнкерсов. Но ему уже было наплевать и на партизан, и на солдат, и на неудачника фельдфебеля. Он почти завершил свою миссию в этой ужасной стране.

К утру Венец Базилевса будет лежать в одном из музеев Германии и, возможно, после войны принесет много пользы немецкому народу.

* * *

Известие о том, что старец Дионисий отошел к Богу в дороге, было принято патриархом Иоакимом с прискорбием.

Он обвинял то стрелецкого старшину Басаргина, что тот не сумел довезти старца до Москвы, то самого себя за то, что отпустил его в Вятку, смирившись с его выбором. Патриарх метался по палатам, впадая то в забытье, то взрываясь истериками и слезами. Никто не знал причин такого поведения владыки, всегда бывшего спокойным и рассудительным пастырем.

По прибытии в Москву Емельяна Федотовича уже встречал патриарх, но теперь взгляд его выражал холодность и недоверие. Истинную причину такого поведения знал лишь сам стрелецкий старшина Басаргин.

– Что же, Емельян Федотыч, не сказывал ли старец Дионисий чего перед смертью? – принялся выпытывать патриарх у старшины. – Не поведал ли чего необычного? Али велел передать перед смертью чего? – продолжал допытываться патриарх, буравя Басаргина колким, как десяток игл, взглядом.

– Да что же он поведать мог. Молчал, аки пень, до самой деревеньки, а ночью вот преставился, – оправдывался Басаргин. – Я подводу со старцем вперед пустил. Что теперь опасаться, чай не сбежит. А сам в Москву отправился. Мне бы, батюшка, с дороги отдохнуть немного, – произнес Басаргин, стараясь как можно быстрее избавиться от назойливого собеседника.

– И на том спасибо, только что же терзало душу старца Дионисия, понять не могу. А ведь беспокоило его что-то. Ну, теперь гадать нечего, даст Бог, откроется тайна.

При этих слова Басаргин вздрогнул и настороженно посмотрел вслед уходящему патриарху, терзаясь сомнениями, правильно ли он поступил, что скрыл рассказ несчастного Дионисия.

Вскоре патриарх покинул Москву, отправившись в Сергиеву лавру. Басаргин стоял и смотрел, как возок владыки удаляется по Ярославской дороге на север.

Когда патриарх исчез из виду, Басаргин перекрестился и выдохнул:

– Принесла нелегкая.

Всю неделю терзался Басаргин, утаив страшную тайну Дионисия. Невыносимым грузом лежала она на душе и терзала совесть стрелецкого старшины, не давая покоя ни днем ни ночью, а больше всего пугал результат его подлой лжи.

– Что, если не удержусь, проговорюсь, тогда все, прощай служба, а еще чего хуже – с головой распрощаться придется.

Так рассуждал Емельян Федотович в схватке с собственной совестью. Под конец седмицы Басаргин решил открыть страшную тайну царевне да покаяться, дескать, черт попутал, а сокрыл, потому что слов старца испугался за царевну и державу русскую; после можно отпуск испросить да на владения свои взглянуть, что думским дьяком Шакловитым жалованы были. Что старец в дороге почил, не его, старшины, вина, чай не юнца вез. Службу исправно справил. Раскольничий скит разорил. А старик мог и в Москве Богу душу отдать, так чего уж там.

За такими размышлениями его застал боярин Широковатый. Поправив ремень, довольный возвращением старшины в Москву, постучал в двери приказа.

Басаргин сделал вид, что занят службой. Он поочередно брал свиток за свитком с дубового стола, разворачивал их и, не читая, вновь сворачивал. Толстое тело боярина протиснулось в дверь. Перекрестившись на киот, боярин засеменил к столу старшины.

– С приездом, Емельян Федотыч, – выдавил он, глядя, как Басаргин откладывает свитки в сторону.

– И ты будь здрав, боярин, – откликнулся старшина.

– Знаю про несчастие твое, – закачал головой боярин Широковатый.

– Да какое там несчастье, – возразил Басаргин. – Старец все равно не жилец был. Он и живой молчал бы, ничего патриарху не поведал. Твердого характеру старик был. А свое я получил за службу, как и обещано.

Боярин глубоко вдохнул широкими ноздрями поток воздуха, пропитанный сургучем да табаком, и резко спросил:

– Чего же старец патриарху не мог сказать?

Басаргин понял, что проговорился. Да и чего скрывать, все равно придется тайну старца царевне открыть. Не по силам ему, простому старшине, такая ноша, а там уж пускай царевна сама рассудит, есть ли в том его вина али нет.

– А то тебя не касается, боярин, – сердито ответил Басаргин. – Царевне слова старца передам.

Широковатый рассмеялся:

– Да ты не гневайся, Емельян Федотыч, царевне так царевне. Все мы матушке служим, только владыко Иоаким одному Богу службу несет.

От этих слов Басаргин успокоился, исчезло напряжение и нервозность. Старшина улыбнулся и отставил в сторону свое незатейливое занятие.

– Я ведь чего зашел к тебе, Емельян, – продолжил боярин. – Мне твои тайны ни к чему. По этой части никто с тобой не сравнится, давай с тобой чаю липового попьем да по душам поговорим, как там Русь-матушка поживает. Из столицы не все видно, что на окраинах творится, чего воеводы думают.

Басаргин улыбнулся:

– А, да ты про воеводу вятского спросить хотел.

Широковатый ехидно оскалился:

– Про него, про него, Емельян Федотыч.

– Воевода вроде справно служит, препятствий в деле моем не чинил.

Боярин Широковатый улыбнулся и хлопнул себя по коленям.

– Про дело твое матушке завтра скажу, завтра и примет тебя, а сейчас пущай слуги чайку сделают, да покрепче.

В то время, пока стрелецкий старшина Басаргин и боярин Широковатый пили горячий липовый чай в Разбойном приказе, Софья принимала гонцов от казаков, осажденных в Албазине. Цинские войска несколько раз предпринимали штурм острога, но каждый раз отступали назад. Казаки держались за острог так, словно он был последним островком русской земли на берегах Амура. Необходимо было отправить посольство к цинскому императору. Выбор пал на стольника Федора Головина и Нерченского воеводу Ивана Власова. Софье необходим был мир с Маньчжурской империей. Но и сдавать русские позиции на Амуре царевна не хотела.

– Албазин должен остаться нашим, – заявила она Головину. – Как хочешь бесов узкоглазых крути, Федор Алексеич. Мыслю я границу по берегу Амура установить, – в завершение произнесла она.

Головин кивнул:

– Выполню, матушка.

– Ну, а если не согласится цинский император, – в разговор вступил Голицын, – тяни время, как можешь, пока мы войска собирать будем. Дьяка Семена Корницкого возьмешь с собой, он лис старый, опытный, глядишь, где и подскажет чего. Переводчика нет, но при дворе императора околачиваются латины, через них беседу и будешь вести, да ухо держи востро, обманут басурмане, глазом косым не моргнут. До Тобольска дойдешь, там припасы пополнишь да людей наберешь. Путь не скорый.

Головин согласился и тотчас поспешил покинуть царские покои.

– Не слишком ли молод посол наш? – спросила Софья у Голицына, провожающего взглядом Головина сквозь распахнутое окно дворца.

– Так с таких лет мудрости в делах и нужно набираться. Послы, матушка, как капуста на грядках не растут.

* * *

Великий Амур качал легкие лодочки казаков у своих обрывистых берегов. На крепостной стене, созданной из покатых сосновых бревен, стоял дозорный, тревожно вглядываясь в уходящую за горизонт даль.

– Чего видишь? – воевода ухватил своей ручищей дозорного за плечо.

– Не видать пока маньчжуров, боярин, – доложил дозорный.

– Может, пронесет, батюшка? – обеспокоенно спросил дозорный и перекрестился.

– Не пронесет, – пробурчал в ответ Алексей. – Здесь они. Скоро появятся, черти.

Воевода поправил ремень, на котором висела широкая сабля, и перевел взгляд на крепостной двор. Казаки и местные крестьяне таскали бочонки с порохом и ядрами, подтаскивая их ближе к стене, чтобы в случае осады не мешкая перезаряжать пушки, усыпавшие стены Албазинского острога, словно рассыпавшийся горох.

– Не хочет император Конси, чтобы русские на Амуре жили.

Воевода гневно смотрел в бездонную морскую даль.

– Не хочет, да кто его спрашивать будет, – злобно проговорил он так, чтобы находящиеся внизу люди слышали это.

– Верно, воевода-батюшка, – соглашались казаки, переглядываясь друг с другом. – Коль по своей воле пришли, то по своей и уйдем!

Воевода улыбнулся:

– Любо мне, братцы, такие слова от вас слышать.

Афанасий вцепился в рукав воеводы.

– Может, в Нерчинск гонца пошлем? – жалобно пролепетал он.

– Послали уже, – усмехнулся Иван. – Да только не сдюжить нам против десяти тысяч воинов Конси. Всего нас восемь сотен. Одна надежда на казаков, на крепкие стены да на наши пушки.

Алексей положил руку на пушечный лафет.

– Далеко Русь-матушка, далеко, – задумчиво произнес Толбузин, слегка покачивая головой.

– Не кручинься, воевода, и раньше маньчжуров били, – подбадривал его Бейтон.

– Били, – улыбнулся воевода. – Да только Конси сам сейчас идет. И ведет в своем войске европейских инженеров супротив нас. Значит, до последнего маньчжуры сражаться будут. Ты смотри хорошо, внимательно, а я пока к Бейтону пройду, узнаю, на какое время пушечного заряда хватит.

Алексей, тяжело дыша, стал спускаться по лестнице со стены. К нему тут же подбежал невысокий паренек в крестьянской рубахе и высокой шапке.

– Лошадей отогнали в тайгу, барин, – не успев отдышаться, выпалил он. – Оставили с ними пятерых пастухов с ружьями, чтобы тигр или медведь не напали.

– Добро, – улыбнулся воевода и похлопал парня по плечу.

– Разреши на стену подняться, воевода, – жалостливо попросил мальчишка.

Воевода грозно взглянул на мальчика и в ответ проговорил:

– А не рано тебе?

– Не рано, барин, – уверенно ответил мальчуган. – Порох да ядра подавать смогу, а где и раненых оттаскивать буду.

Алексей усмехнулся:

– Ну, коли так, то беги, воин.

Мальчишка, подтянув штаны, опрометью помчался вверх по лестнице.

Утренний туман, что окутал многочисленные островки, притаившиеся посреди реки, стал растворяться, обнажая очертания маньчжурских лодок, устремившихся к острогу.

– Идут, – истошно крикнул со стены дозорный.

– Маньчжуры идут! – подхватил его крик другой дозорный.

Из тайги на противоположном берегу показались силуэты всадников и пеших маньчжурских воинов. Разодетая в диковинные шлемы маньчжурская кавалерия усыпала противоположный берег. Пехота тащила на руках легкие двухместные лодки. Лан-Тань усмехнулся, завидя, что над острогом нависли орленые стяги и на стенах забегали воины.

– Заметил урус, – злобно прошипел Люнь-Фень. – Пушки готовят.

– Разбивайте лагерь у опушки, – отдал команду Лан-Тань. – Не уйдем, пока русские не сдадутся, – улыбнулся он своему спутнику.

Легкие лодки маньчжуров причаливали к обрывистому берегу, и маньчжурская пехота со всей прытью устремлялась вверх по обрыву к стенам острога.

– Что, ребята, все готово? – спросил у сгрудившихся на стенах острога пушкарей воевода.

Бейтон, надев боевые доспехи поверх кафтана, с прищуром посмотрел на воеводу.

– Как первые ряды пушкари положат, открывай, воевода, ворота острога.

Толбузин, как опытный воевода, сразу распознал тактику немца. Ударить по центральному флангу врага и, разгромив их, значительно обезоружить маньчжуров. Прогремели первые выстрелы из крепостных орудий. Ядра сыпались под ноги волнам наступающих вражеских войск, беспощадно разбивая их ряды. Предсмертные крики маньчжурской пехоты оглашали берега Амура. Маньчжурский военачальник, Лан-Тань, восседал на своем жеребце, наблюдая, как русская артиллерия, бьющая со стен острога, косит ряды его пехоты, словно босой крестьянин режет рисовый куст. Некоторые вражеские пехотинцы все же успевали пробиться к бревенчатым стенам острога, где их тут же встречали выстрелами русские пищали. Лан-Тань злобно оскалился и махнул рукой, показывая своим воинам, что настало время отступить.

– Отведите оставшихся воинов, – сообщил он своему помощнику.

Люнь-Фень отдал приказ трубить отступление, но в этот момент ворота крепости распахнулись и на атакующих маньчжуров налетел отряд казаков. Ловко орудуя саблями и прикладами ружей, они разбили последнюю волну наступающих вражеских войск, опрокинув их в реку. Люнь-Фень был в ярости.

– Русские сильны и хитры, господин, – гнусаво жаловался он.

Маньчжурский военачальник развернул коня, направляясь к своему лагерю.

– Мы будем терпеливы, – заключил он. – Казакам больше неоткуда ждать помощи. Окружайте острог, возводите вокруг его стен вал и устанавливайте пушки.

– Осада, мой господин, – проговорил Люнь-Фень.

– Да, осада, – утвердительно ответил Лан-Тань. – Ни один корабль не должен пройти по реке к крепости, – строго приказал маньчжурский военачальник. – Я приказываю вам перекрыть все возможные пути, чтобы русские не смогли получить помощь. Рубите лес и приступайте к работе. У нас мало времени.

Вокруг Албазина раздавался стук топоров. Маньчжуры строили башни и создавали земляные валы, окружая стены острога. Воевода Алексей Толбузин и Бейтон с тяжелым сердцем смотрели, как дотошные маньчжуры затаскивали на выстроенные валы пушки и порох.

– У голладцев научились, – печально заметил Бейтон. – И откуда черт их принес на наши головы.

– Так при дворе цинского императора столуются, – заметил воевода. – В посольство доносили, что в военных советниках числятся.

Бейтон печально покачал головой.

– Голландцы служат тем, у кого кошель толще.

Меж тем маньчжуры нанесли первый удар по стенам крепости. Пушечное ядро со свистом впилось в бревенчатые стены, вырывая из них куски щепы. С южной стороны острога маньчжуры принялись возводить из бревен осадную башню, намереваясь наносить удары по крепости сверху.

– Необходимо сжечь башню, – пояснил Бейтон, приказав казакам направить все орудия на деревянный раскат.

Выстрел за выстрелом превращали осадную башню маньчжуров в пылающую груду сваленных бревен. Вскоре башня была полностью разбита. В ответ маньчжуры усилили плотность огня по стенам острога. Внутренний двор крепости застилал едкий дым от пороховых снарядов. Зубцы дозорных башен были изрезаны ядрами маньчжурских пушек.

В шатер вбежал взволнованный маньчжурский командир:

– Господин, казаки держат оборону.

– Знаю, – злобно произнес Лан-Тань.

– Наши люди гибнут под стенами этой чертовой крепости.

– Присядь-ка, дружище, – предложил обеспокоенный военачальник. – Голландец Райхен предложил сделать пять подкопов под стены крепости. Скажи, хватит ли у нас пороха для атаки?

– Порох не проблема, – утвердительно ответил Люнь-Фень. – Русские пушки не дадут приблизиться к крепости.

– Копайте ночью, – злобно прорычал Лан-Тань. – К утру под их стенами должны быть подкопы и заложен заряд. Я хочу наблюдать, как на рассвете рухнут стены крепости и мои воины ворвутся в нее.

Когда солнце скрылось за верхушками деревьев и мгла окутала берега реки, к стенам крепости потянулись цепочки маньчжурских воинов. Они, словно тени, подкрадывались вдоль берегов Амура, высматривая в кромешной тьме места для будущих подкопов. Молодой маньчжур, стиснув зубы, тянул за собой огромный мешок с порохом. Их раскосые глаза поочередно устремлялись на крепостные стены острога. Заслышав часовых на башнях, они бросали мешки и замирали, не желая обнаружить себя. Копать приходилось очень осторожно, чтобы казаки не обнаружили подкопы раньше времени. Когда дело было сделано и оставалось лишь заложить мешки с порохом под деревянные стены острога, на маньчжуров внезапно обрушились десятки оружейных выстрелов. Подрыв стен при помощи подкопа был сорван. Маньчжурский военачальник с досадой кусал губы, разбивая при этом все, что попадалось ему под руку.

Больше года русские гарнизоны удерживали осаду Албазина, разбивая цинские войска. Потеряв несколько тысяч воинов и надежду на победу, Лан-Тань отдал приказ прекратить осаду острога и приготовиться к отступлению. Подоспевший из Нерчинска обоз обнаружил в крепости лишь несколько воинов во главе с Афанасием Бейтоном, а доблестный воевода Алексей Толбузин скончался от полученных в последнем бою ран.

Маньчжуры требовали лишь одного, чтобы русские навсегда покинули берега Амура, поскольку считали их исконно маньчжурскими землями. Прибывший для переговоров с династией Цин Федор Головин успешно завершил свою операцию. После длительных переговоров маньчжуры подписали договор, который на долгие годы определил границы между двумя государствами.

* * *

Дорога к аэродрому, где дислоцировалась сто пятьдесят четвертая эскадрилья люфтваффе, занимала более сорока километров. Это был единственный аэродром с твердым

покрытием, где немецкие летчики могли взлетать, не боясь увязнуть в раскисшей сентябрьской грязи. Сейчас на взлетной полосе подполковника СС Люггера ожидал двухмоторный «Хенкель», готовый по первому приказу взять обратный курс. Но его пассажир запаздывал. Дорога была опасной. В любой момент он мог наткнуться на партизан или окруженцев, выходящих из котла.

Двигатель «Хорьха» надрывался, захлебываясь от собственного бессилия. Водитель, яростно ухватившись обеими руками за руль, ловко объезжал ямы и ухабины, неприлично виляя капотом по всей дороге. Люггер торопился к взлетной полосе, но внезапное недомогание заставило прервать его путь. Груммер, взглянув в зеркало, заметил, что лицо Люггера приняло нездоровый зеленоватый оттенок.

– Останови, Груммер, прошу тебя.

Водитель тут же свернул с дороги и остановился у небольшой березовой рощицы. Следом за «Хорьхом» проследовали автоматчики. Люггер распахнул дверку и бросился к деревьям. Ртом шла кровь. Он уже выбросил два белых носовых платка, но кровотечение не останавливалось. Люггер не знал, что с ним сейчас происходит. Но его одолевали мысли, что это недомогание тесно связано с таинственным предметом, который находился сейчас в машине подле него.

«По легенде, Венец Базилевса был передан в дар русскому царю, а значит, полностью принадлежит этим безумным русским, но какая же сила охраняла его в монастыре, может, этот призрак и есть царь, законный владелец, а сейчас хранитель короны. А что, если он и сейчас где-то рядом? Что, если не отпустит меня, убьет прямо сейчас? Чертова корона, будь она проклята. Нет. Я не хочу умирать здесь, в России. Главное, добраться до Германии, а там своя земля и умирать не так страшно будет. А главное, доверенное задание выполню», – так рассуждал Люггер, стоя здесь, в русской рощице, опустившись на колени. Он чувствовал, как силы покидают его.

До аэродрома оставалось чуть больше километра, но совсем не осталось времени до отправки самолета. Люггер попытался взять себя в руки и с трудом встал на ноги. Заубер продвигался вперед, спотыкаясь и на некоторое время останавливаясь, чтоб перевести дыхание; его тело казалось ватным, руки бессильно повисли, а голова разрывалась от невыносимой боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.